

Летом 1785 года академик Н.Я.Озерецковский совершил с научными целями путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Посетив Петрозаводск – административный центр Олонецкой губернии, он в книге, выпущенной по результатам экспедиции, написал: «Город сей по берегу озерного залива почти на две версты простирается».

Еще Озерецковский сообщил, что с двух сторон Петрозаводск окружен лесными горами, с полуночной стороны его обтекает речка Неглинка, а другая река, Лососинка, протекает через самый город.

В провинциальной дрёме одно десятилетие сменялось другим. И через полстолетия наш город все так же «на две версты простирался».

В середине XIX в. писатель и страстный охотник Николай Эюс писал: «Петрозаводск такой же, как и все наши русские города, о которых не мною уже сказано: въезжаешь – на первом плане питейный дом, за ним забор, потом собор, опять забор и опять питейный дом, а между ними по два, по три обывательских домика. Вот и вся картина». В качестве же отличительной черты города он отметил, что здесь ему довелось стрелять куропаток, просто перегоняя их из сада в сад, а зимой на улицах бить волков.

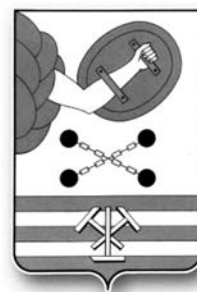
О том же спустя двадцать лет скажет и орнитолог Г. Гебель: «В самом городе нет ничего красивого – широкие, но пустые безлюдные улицы, маленькие, большей частью деревянные домики, деревянные тротуары, почти не мощенные улицы – все это придает городу скорее вид большой деревни. Везде безжизненно и пусто...»

Практически мало что изменилось и к началу XX века.

Петербургец Николай Березин, который со своим спутником Иваном Балашовым в 1902 году прошел пешком от Петрозаводска до сунских водопадов, сообщает: «С пристани мы сошли на берег и пошли в гору по одной из главных улиц... Город так невелик, что нечего было спрашивать, как выйти из него. Мы пошли прямо,

Полчаса неспешным шагом, или Прогулка по старым улицам города

Валерий
ВЕРХОГЛЯДОВ
г. Петрозаводск

прошли маленький сквер, где я сфотографировал прекрасный памятник Петру, фигура которого стояла лицом к заводу, простирая руку к своему созданию, и стали выбираться из города».

Минет еще без малого тридцать лет.

«Никогда, вероятно, за годы своего существования не знал Петрозаводск такого оживления, как с момента советизации края», – читаем в книге М. Поляновского «От Онего до Белого моря», увидевшей свет в 1931 году. И далее: «Жилфонд карельской столицы усиленно пополняется. Дома строятся в большинстве трехэтажные и деревянные, оттого что лесом Карелия богаче всех, кажется, стран». Это утверждение носит не столько фактический, сколько пропагандистский характер.

Если же говорить о действительно заметном жилищном строительстве, то оно началось в семидесятые годы прошлого столетия. Нынешний Петрозаводск, включающий в себя Ключевую, новую Кукковку, Древлянку, застройку современными зданиями района Перевалки и западной окраины, появился при жизни ныне здравствующего поколения.

В сегодняшнем Петрозаводске свыше трехсот пятидесяти улиц. Лишь шестая часть из них насчитывает более чем столетнюю историю. Вот о них-то и пойдет разговор в этом очерке.

Основой и смыслом Петровской слободы являлся чугунолитейный и железоделательный завод. Поблизости от него были сооружены земляная крепость, церковь во имя апостолов Петра и Павла, дворец Петра Великого – двухэтажный, деревянный, под крышей на четыре ската, плотины и оружейные амбары, а еще несколько слобод, в которых и жили первые насельники: слобода тульских кузнецов, слобода «разных чинов», слобода «около редута», солдатская слобода.

От памятного места, где некогда располагалась Петровская слобода, от колыбели города, и начнем мы наше путешествие.

Первая улица, открывающая наш маршрут, сейчас носит имя комиссара просвещения А.В.Луначарского. Вначале она называлась Пробной, потому что именно здесь проходила дорога, по которой от Петровского завода возили для «огневого испытания» отлитые пушки. Это историческое имя у нее было до начала XX века.

23 марта 1902 года олонецким губернатором был назначен действительный статский советник Н.В.Протасьев, у которого в 1910 году случился круглый юбилей беспорочной службы на государственных должностях. В порыве верноподданнического подхалимажа чиновники решили назвать именем начальника одну из улиц города. Вы-

бор пал на Пробную, которую городская дума и переименовала в Протасьевскую.

Пробной же стала называться неухоженная и почти не застроенная дорога, которая вела непосредственно к тому месту, где некогда находилась пробная батарея. В то время это была окраина города, известная в среде горожан как «местечко Проба». Именно здесь, на пустынном болотистом берегу, поросшем ивняком и ольшаником, вдали от полицейских глаз тайно собирались члены первого петрозаводского комитета РСДРП.

С той поры Пробная так и осталась Пробной, и это одно из немногих прежних наименований, сохранившихся на карте города. Оно напоминает о безвестных мастеровых, ковавших на берегу Онего славу русского оружия. Испытанные здесь пушки гремели под Полтавой и Бородино, в Гангутской и Синопской баталиях, у стен Измаила и при славной обороне Севастополя...

Как память о прежних временах на улице Луначарского до сих пор стоит бывший дом купцов Пименовых. Поставивший его Марк Пименов был человеком широко известным. Он строил Аничков и Лебяжий мосты в Петербурге, укрепленные форты в Кронштадте. В Петрозаводске неподалеку от своего дома он построил через Лососинку мост, который так и назывался Пименовским и, по словам современников, был истинным украшением города. Им же на личные средства был устроен первый в губернии детский приют. За свою полезную общественную деятельность Марк Пименович был награжден золотой медалью на Андреевской ленте и удостоен звания почетного гражданина Петрозаводска.

Большое красивое здание, оставленное в наследство родственникам, впоследствии сдавалось в аренду, и до революции в нем располагалось Епархиальное женское духовное училище. После революции здесь некоторое время находился педагогический техникум. В июне 1944 года правительство Карело-Финской республики приняло решение о создании в Петрозаводске Государственной публичной библиотеки взамен республиканской, сгоревшей во время войны. Эта библиотека вначале располагалась в бывшем пименовском доме, но уже в 1947 году переехала в здание на площади Кирова, а вместо нее в купеческом доме открыли совпартшколу, где повышали свой образовательный уровень будущие идеологические работники.

Улицей Луначарского бывшая Пробная-Протасьевская стала в 1918 году.

Поскольку нам еще не раз придется сталкиваться с волной советских переименований, расскажу, как прошли первые «красные крестины».

Петрозаводск готовился встречать первую годовщину Октябрьской революции. Незадолго до этого события состоялось заседание «комиссии по выработке празднества» – именно так, неуклюже и не совсем грамотно, она называлась. Членами комиссии являлись три товарища: т. Спиридонов, т. Горлов и т. Терентьев. Спиридонов и Горлов заведовали отделами Совета городского хозяйства, должность Терентьева установить не удалось.

На заседании было рассмотрено семь вопросов. Тут же, без проволочек и тем более пожеланий местных жителей, принимались решения.

Слушали:

1. О триумфальной арке на проспекте у городского Совета. *Постановили: поручить Союзу художников создать ее проект в указанном месте.*

2. О портретах.

Поручить Союзу художников написать три декоративных портрета – Карла Маркса, Ленина и Зиновьева. Портреты разместить в окнах Совета.

3. О флагах.

Соорудить один правительственный флаг на шпиль на здание Совета длиной 8 аршин, шириной 4 аршина. Два флага на Триумфальную арку, размер 4 аршина на 2 аршина. По возможности и по-больше соорудить маленьких флажков из материала старых флагов размером 6 четвертей на 3 четверти. Художественную часть поручить Союзу художников. На больших флагах буквы «Р.С.Ф.С.Р.».

4. О транспарантах.

Поручить Союзу художников соорудить транспарант с ажурными словами «Р.С.Ф.С.Р. Петрозаводский Городской Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов».

5. Об украшении зелению.

Украсить гирляндами снаружи здание Совета и по телефонным столбам проспект Карла Маркса от здания Совета до Советской площади, для чего потребуется 20 возов хвой.

6. О национальном знамени для городского Совета.

Оставить открытым до привоза материи из Петрограда.

7. О переименовании улиц.

(Далее стоит двоеточие и в столбик написаны прежние и вновь придуманные названия улиц.)

Александровская и Средне-Голиковская – проспект Урицкого.

Протасьевская – улица Луначарского.

Владимирская набережная – Набережная пролетариев. Зачеркнуто и сбоку от руки: Онежская набережная.

Бородинская – проспект Ленина.

Екатерининская – улица Троицкого.

Никольская – улица Зиновьева. От руки исправлено: Красная улица. По всей вероятности, посчитали, что для товарища Зиновьева бывшей Никольской, пожалуй, будет маловато – все-таки ближайший соратник товарища Ленина, председатель Петроградского Совета и предсовнаркома Союза Коммун Северной Области.

Дмитриевская – Вокзальное шоссе.

Ивановская – Северная улица. Зачеркнуто и сбоку: улица 1 Мая, снова зачеркнуто и уже окончательно: Северная.

Предтечинская – улица Свободы, зачеркнуто и от руки написано: Вольная.

Петровский сквер и площадь – Советский сквер и площадь, зачеркнуто и сверху: площадь Свободы.

Соборная площадь и Александровский сквер – площадь и сквер Пролеткультуры, исправлено: площадь Культуры.

Левашовский бульвар – Бульвар отдыха.

Задне-Машезерская – улица Кузьмина.

Вознесенская – улица Коммунистов.

Аврамовский мост – Советский мост.

Пименовский мост – Зарецкий мост.

Далее от руки: Жуковская улица – улица Зиновьева (нашли-таки для достойного товарища приличное место в центре города), Большая Голиковская – улица Володарского.

Подведя черту под списком, члены комиссии расписались.

В конце документа имеется ремарка: «Предложить коллегии Александровского завода переименовать завод к празднику Октябрьской революции».

В мою задачу не входит знакомить читателей с биографией т. Луначарского, тех, кого она сильно интересует, отсылаю к источнику, где жизненный путь этого ленинского соратника описан достаточно полно, – к 41 тому Словаря братьев Гранат, увидевшего свет в 1927-29 гг. под общим названием для всех его трех частей «Свод автобиографий и авторизированных биографий деятелей СССР и Октябрьской революции».

Мы же с вами пойдем дальше.

Неподалеку от своего начала улица Луначарского пересекается с проспектом Александра Невского (бывшим пр. Урицкого), получившим свое новое название в честь восстановленного собора во имя благоверного князя св. Александра Невского.

В Национальном архиве РК хранится план города, датируемый 1887 годом. На нем можно увидеть, что проспект Александра Невского прежде состоял из двух улиц. Одна из них, под названием Средняя Голиковская, шла от улицы Лесной и заканчивалась у Казарменской улицы, которая ныне носит имя Льва Толстого. Далее, в сторону

озера, продолжалась уже другая улица – Александровская, она вела к причалам заводской пристани. Там сейчас располагается грузовой порт. Это место на берегу озера еще с петровских времен считалось самым удобным для приемки и отправки грузов водным путем, и ранее его окружали многочисленные складские помещения, как тогда писали, «деревянные амбары».

В пору процветания Петровского завода на одном из причалов был поставлен большой «сарай для охранения народу, когда случится пушечная проба». Отсюда любопытные могли наблюдать, как пушкари испытывают орудия. Это было весьма обычное развлечение для жителей слободы.

Из старых зданий на Александровской – бывший дом купца Серого. Ныне в нем располагается епархиальное управление.

Если бы мы прошли по Луначарского дальше в сторону улицы Чернышевского, то следующей за проспектом Ал. Невского старой улицей была бы Пробная. (Улица Архиппы Перттунена, бывшая Фабричная, появилась в советское время.) У верхней же части Пробной некогда было собственное имя, и эта часть угрюмо называлась улицей Задне-Кладбищенской.

О Пробной и пробах я уже упомянул. К сказанному могу лишь добавить, что на испытаниях орудий случалось бывать и царским особам. Так, летом 1819 года на батарее побывал Александр I во время своего краткого посещения Петрозаводска. Именно тогда произошло памятное событие, после которого монарха в нашем городе стали очень уважать.

Проба есть проба, случалось, пушка не выдерживала огневого экзамена и ее разрывало, поэтому канониры во время испытаний обычно укрывались в каземате. Государь сказал, что прятаться он не хочет, и велел начинать стрельбы. 24-фунтовую пушку под номером 16438 разнесло на куски при втором выстреле. Александр I, скрестив на груди руки, хладнокровно смотрел, как падают на землю чугунные обломки. Затем он подошел к побледневшему зрителю завода Кларку и сказал ему по-английски:

– Очень рад, что видел разрыв орудия, – это тоже является достопримечательностью Петрозаводска.

После этого Александр I попросил представить ему полные сведения о количестве забракованных орудий с указанием печей, в которых они были отлиты, что и было без промедления выполнено.

В Петрозаводске конца девятнадцатого века Пробная была последней улицей. Далее на берегу стояла только мукомольная мельница, к ней вела безымянная дорога.

Это значит, что мы уже вышли на восточную окраину города.

Параллельно улице Луначарского, но ближе к озеру, проходит улица Болотная, сохранившая свое от рождения данное название вплоть до середины прошлого века. Сейчас она носит имя Героя Советского Союза Николая Ригачина, который в январе 1945 года при освобождении польского города Ключборка совершил свой бессмертный подвиг, закрыв грудью вражеский пулемет.

Выше улицы Луначарского пролегла улица Коммунистов, бывшая Вознесенская. Сегодня автомобили по ней почти не ездят, прохожие редки. Стоящие здесь двухэтажные дома были построены сразу после войны. По тем временам это было завидное жилье. В одном из домов на этой улице некогда жил со своей семьей Б.Н. Одлис, который впоследствии четверть века возглавлял Онежский тракторный завод. Я был знаком с Борисом Наумовичем и хочу здесь привести фрагмент диктофонной записи одной из наших бесед.

«В Петрозаводск я приехал в сорок восьмом году. Город был сожжен и разрушен. Совершенно неожиданно получил ордер на комнату в деревянном брусчатом доме. Это было невообразимое счастье. В той же квартире за стенкой на семнадцать квадратных метрах жила семья из четырех человек – электромонтер Коля Чехонин, его жена Нина – крановщица литейного цеха, и их дети: дочь Галя, ей было три года, и сын Толик. Дом был жутко холодный. За зиму уходило шестнадцать кубометров дров. Встав утром, я первым делом разбивал колуном лед в ведре, чтобы умыться и попить чаю. Оклад у меня был 880 рублей, а килограмм масла стоил 54 рубля, так что мы, в основном, маргарин покупали. Из верхней одежды у меня имелась трофейная немецкая шинель. Михаил Дорофеевич Филиппов, директор завода, распорядился выдать белый козук, так я его черной ваксой намазал и так ходил».

Из общественных зданий на улице Коммунистов можно отметить разве что общественную баню № 2, которая была открыта в 1948 году. В прессе того времени ее называли стройкой районной комсомолки, но литературный критик, наш земляк Владимир Бондаренко, в своих воспоминаниях пишет, что этот очаг гигиены строили пленные немцы. Впрочем, одно утверждение не исключает другого, у нас героическому комсомолу приписывали многие стройки, на которых ударно трудились зэки.

Вместе со строительством бани было завершено мощение улицы Коммунистов, и по ней пустили автобус. Старожилы города помнят этот маршрут, связывавший Зареку с железнодорожным вокзалом.

Довольно об этой улице Коммунистов, поднимаемся немного выше, на улицу «Правды». Именно так, в кавычках, правильно пишется название, потому что эта городская магистраль носит имя партийной газеты – любимого детища Ульянова (Ленина). В девятнадцатом веке она была просто улицей Вытегорской, переходящей в Вытегорский почтовый тракт. Там, где заканчивалось кладбище, находился шлагбаум, а около шлагбаума имелась полосатая будка, а в будке сидел будочник – «будошник» говорили в городе на заонежский манер.

Однажды около этой будки и этого шлагбаума собрался почти весь город. Было это 6 августа 1819 года. В этот день петрозаводчане ожидали прибытия обожаемого монарха, победителя Наполеона Александра I Благословенного, совершавшего поездку по северу.

В Петрозаводск Александр I въехал на простых открытых дрожках, одет был по-походному, в мундир лейб-гвардии конно-егерского полка. У шлагбаума он принял рапорт городничего о благополучии и процветании города, махнул рукой, мол, поехали дальше, но обыватели не дали лошадям везти царский экипаж, обступили со всех сторон и сами восторженно докатили его до собора. Там уже ждали монарха губернатор, чиновники и духовенство.

Для отдыха Александру I был определен дом горного начальника, который еще долго потом называли царским дворцом. В комнате, определенной как кабинет, на стол положили карту губернии, планы города, бывшего Петровского и существующего Александровского заводов, чертежи пушек и некоторых механизмов – местное начальство почему-то полагало, что царю все это будет очень интересно.

Утром следующего дня государь встретился с чиновниками и купцами. В полдень Александр I посетил завод. Вначале он побывал в доменном цехе, где отливались пушки, расспрашивал мастеровых о работе цилиндрической воздуходувной машины, понаблюдал, как рассверливают стволы, заглянул в цех отделки орудий. Здесь, взяв у молодого рабочего молот, монарх попробовал оковать 24-фунтовую морскую пушку. Решительно обтокав пространство примерно в пять квадратных дюймов, Александр I отправился дальше – смотреть изготовленный на заводе заказ для монетного двора. Здесь он тоже потрудился – посыпал немного наждака на полировавшийся плющильный вал. В молотовой фабрике царь задержался, чтобы посмотреть, как разрежут раска-

ленную железную крицу. Начальник завода Фуллон, опасаясь, что гостя может нечаянно обжечь, с почтением, но твердо попросил его отойти в сторону, на что Александр I не без эпатажа заметил: «А я часто бывал в огне». Затем монарх побывал у заводского бассейна, на складе готовых изделий, во многих других цехах и, выразив Фуллому свое удовольствие за порядок на заводе, отправился осматривать тюрьму и городскую богадельню...

Под вечер Александр I поехал на пробную батарею, где произошел случай, о котором я уже рассказывал.

Вернувшись с испытания орудий в дом горного начальника, монарх немного побеседовал о городской архитектуре, что позднее было отображено в книге «Избранные черты и анекдоты на жизнь императора Александра I». Именно в этом издании отмечена высказанная монархом в Петрозаводске следующая сентенция: «Каждое здание должно быть у своего места и соответствовать употреблению и нуждам».

На следующий день, 8 августа, Александр I поднялся рано, в 5 утра, и велел закладывать лошадей. Пока запрягали, он велел позвать Фуллона и поделился с ним некоторыми наблюдениями, отметил, в частности, что в заводском квартале часть домов обихожена, а часть, к сожалению, нет, и это нехорошо. «Роскошь в мебелиях вовсе не уместна для мещан и ремесленников, опрятность в жилищах имеет влияние не только на здоровье, но и на саму нравственность хозяев, которые, полюбя свои дома, делают от того счастливее», – сказал Александр I. Он

*Открытие с видами
Петрозаводска. Начало XX века*

вообще испытывал некоторую слабость к фразам такого рода и с удовольствием отливал их на века.

На прощание монарх заметил, что местонахождение города ему понравилось и он надеется побывать здесь еще раз. С тем и уехал.

На память у петрозаводчан остались две пушки: номер 16672, отлитая в присутствии государя, и номер 16581, на которой серебряным пунктиром было обозначено место, окованное августейшей рукой. Эти два ствола были впоследствии выставлены на всеобщее обозрение в портике. Молот же, которым поработал Александр I, хранился в горном правлении, где для него заводскими умельцами был сделан изящный стеклянный ковчег.

Неподалеку от шлагбаума на Вытегорской уходит вверх улица Задняя Машезерская. Сейчас она носит имя казненного революционера Александра Кузьмина. На карте 1887 года Задняя Машезерская проходит по границе города, за ней схематично начерчены несколько «порожных» кварталов и обозначена еще одна улица, пока еще не имеющая названия, – это будущая Загородная, сохранившая свое название до сегодняшнего дня.

Параллельно Вытегорской, но выше ее проходила улица Большая Казарменская. Никакого отношения к солдатскому быту она не имела. Казармами называли длинные деревянные дома, построенные для рабочих Александровского завода. По сегодняшней терминологии, это семейные общежития. Сегодня Большая Казарменская носит имя Льва Толстого. Это не единственный случай, когда в нашем городе демонстративно показывается любовь к автору «Войны и мира». Вот еще один пример. После революции было решено снести памятники «царям-кровососам»: Петру I (на Петровской площади) и Александру II (на площади Соборной). Тут же со всей остротой встал вопрос, а что делать с освободившимися пьедесталами. Самое понятие «освобожденные пьедесталы» вызывало сладкую дрожь у представителей новой власти. Члена подкомиссии по делам искусств на своем экстренном (а тогда все проходило экстренно) заседании долго спорили, какие же шедевры скульптурного творчества можно на них установить. Наконец договорились, что на одном будет находиться бюст Карла Маркса, а на другом – Льва Толстого. Что общего у этих двух властителей дум и помыслов? Разве что бороды.

Вообще, должен отметить, что к писателям, поэтам и даже критикам в нашем городе относятся с большим пиететом. Как-то я взял современную карту Петрозаводска и выписал тружеников пера (вместе с народными сказителями), имена кото-

рых увековечены в названиях улиц и переулков. Вот какой получился список: *Белинский, Герцен, Глинка, Гоголь, Гончаров, Горький, Грибоедов, Державин, Достоевский, Жуковский, Кольцов, Короленко, Крылов, Лермонтов, Линеvский, Некрасов, Островский, Паустовский, Перттунен, Пришвин, Пушкин, Радищев, Раевский, Рылеев, Серафимович, Лев Толстой, Федосова, Фурманов, Чернышевский, Чехов, Шевченко*. Некоторое сомнение вызывает улица Глинка: неизвестно, какой Глинка имелся в виду – композитор Михаил Глинка или поэт-декабрист Федор Глинка, отбывавший ссылку в Петрозаводске. Но все равно получается целая библиотека. Деятелям отечественной науки в этом отношении повезло гораздо меньше – эмоциональность у наших горожан преобладает над рациональностью.

Вдоль улицы Льва Толстого тянется железнодорожная ветка.

После Великой Отечественной войны многие онежцы получили жилье в бывших лагерных бараках на Петушках, а поскольку общественный транспорт тогда ходил из рук вон плохо, то было решено дважды в день пускать по этой ветке паровоз с вагончиками. Конечным пунктом назначения являлся разъезд Онежский, близ которого и находился рабочий поселок.

В первый раз поезд «Онегзавод – Петушки» торжественно отправили в путь 14 февраля 1947 года. Тогда было сказано немало слов о том, какой неустанной заботой окружен в нашей стране рабочий человек.

Невольно вспоминается поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки», а точнее – глава «Серп и Молот – Карачарово», в которой после слов «и немедленно выпил» стоят только точки, которые, по утверждению автора, обозначают полторы страницы чистейшего мата. Дело в том, что рабочий поезд для быстрого прохождения пути был пущен экспрессом, то есть без промежуточных остановок, а это значит, что часть пассажиров должна была как садиться, так и выходить на ходу. Такое положение, конечно же, не всех устраивало, и вместо слов благодарности заводское начальство чаще поминали словами, которые пришли на ум герою Ерофеева, выпившего с похмелья стакан «столичной».

Как итог этих «издевательств над трудящимися», уже в апреле горсовет получил первую коллективную жалобу с требованием «навести порядок». Что было дальше, я не знаю. Старожилы, которых спрашивал, ситуацию прояснить не смогли, архивных документов о судьбе экспресса «Онегзавод – Петушки» обнаружить не удалось. Собственно говоря, здесь с равным успехом мог осуществиться лю-

бой из двух вариантов: или поезд стал-таки делать промежуточные остановки, что маловероятно, или же его отменили вообще, сославшись на экономическую нецелесообразность, погодные условия, международную обстановку и проч. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что этот экспресс ходил недолго, и те, кто пришел работать на завод в пятидесятые годы, о нем уже не помнят.

Выше улицы Льва Толстого находится улица Варламова. Прежнее ее название Заводская.

Между улицами Льва Толстого и Варламова расположен сквер, заложенный в советское время.

«Здесь планируется посадить около 500 деревьев и 2000 кустов», – писала в 1934 году газета «Красная Карелия». Посадили несколько меньше, но еще один зеленый уголок города все равно получился на славу. А раньше здесь был пустырь, по недоразумению называвшийся Заводской площадью, которую каждый год затапливали вешние воды.

В 1831 году в знак посещения города Александром I на площади была освящена заводская церковь во имя благоверного князя св. Александра Невского. На ее строительство, продолжавшееся с 1826 года, средства собирали всем миром. Самый значительный вклад был внесен рабочими Александровского завода, у которых с каждого заработанного рубля отчислялось две копейки на возведение храма.

В 1926 году по решению общего собрания работников Онежского завода церковь была закрыта, а в ее здании разместился промышленный отдел краеведческого музея. Переезд же самого музея затянулся до 1936 года. Десять лет ушло на возведение поэтажных перекрытий и оформление залов.

В 1993 году церковь вернули прихожанам, а музей вновь перебрался на свое прежнее

*Заводская церковь
во имя св. благоверного
князя Александра Невского*

нее место – в бывший губернаторский дом на Круглой площади.

В списке городских улиц, составленном в 1923 году, читаем: *Болотная, Луначарского, Вытегорская, Большая Казарменская, Заводская, Угольная...*

Что еще за Угольная? Это где же такая?

На старой карте видно, что вначале она тянется мимо Александровского завода, мимо каменной кузницы и сарая для хранения руды, мимо «порожней площади завода», т.е. места пока пустого, но оставленного за предприятием, пересекает Большую Голиковскую, Среднюю Голиковскую, Заднюю Машезерскую и через два намеченных к застройке квартала заканчивается у леса. На одной ее стороне находились большие угольные склады, которые и дали название улице.

Сейчас Угольная носит имя М.И. Калинина, который с 1922 года был председателем ЦИК СССР, а с января 1938-го по март 1946-го – председателем Президиума Верховного Совета СССР, поэтому его обычно называли «всесоюзным старостой». Именно Калинин в 1920 году подписал постановление ВЦИК об образовании Карельской Трудовой Коммуны. В нашем краю он бывал дважды. Первый раз в ссылке за революционную деятельность, второй раз – в июне 1924 года, когда приезжал в Кондопогу, где была построена первая электростанция Карелии.

Выше Угольной-Калинина пролегла Машезерская, которая на старых картах тянется от Лососинки до западной окраины города. Свое имя улица получила от озера Машезера, которое является вторым водоемом, питающим реку Лососинку. Параллельно Машезерской расположена Каменистая. Сегодня улица носит имя маршала К.А. Мерецкова.

Параллельно Каменистой-Мерецкова находятся еще две старых улицы – Лес-

ная, а выше ее Ригачная, на которой стояли уже не жилые дома, а риги для обмолота зерна, сегодня это начало Комсомольского проспекта.

Завершая этот обзор Голиковки конца девятнадцатого века, следует отметить, что перпендикулярно Большой Казарменской (улица Л.Толстого) проходит Малая Казарменская, она тянется вдоль стены Онегзавода. Неподалеку от Малой Казарменской, от «Правды» до Мерецкова, расположилась улица Володарского, которая до революции называлась Большой Голиковской. В старом Петрозаводске она входила в число основных магистралей города, сегодня же улицу проехать насквозь невозможно, потому что у Л. Толстого ее делит на две неравные части железная дорога

Нынешняя набережная Гюллинга некогда гордо называлась Советской, и еще в середине прошлого века стояли на ней убогие домишки, правильнее будет сказать хибары. До революции это была Лососинская набережная, верхняя часть которой представляла как бы совершенно самостоятельную улицу (нынешняя Ла-Рошель).

Улица Волховская, следующая непосредственно за проспектом Ал. Невского, еще до войны называлась Кладбищенской, что указывало на ее местоположение. С одной стороны улицы находилось православное и поныне существующее Зарецкое кладбище, с другой – кладбище для горожан иного вероисповедания, которое при советской власти уничтожили, а освобожденное таким варварским способом место застроили домами. Именно здесь, в некрополе для иноземцев, был некогда похоронен начальник Олонецких горных заводов Чарльз Гаскойн, а напротив его надгробного памятника, всего лишь через кладбищенскую дорожку, находилась могила еще одного начальника Александровского завода – Николая Фелькнера. О Гаскойне у нас написано немало, Фелькнер же почему-то незаслуженно забыт, что, на мой взгляд, несправедливо хотя бы потому, что ни до Фелькнера, ни после него рабочие Александровского, а затем и Онежского завода не относились с такой любовью, если не сказать – обожанием, к своему начальнику. Постараюсь хотя бы чуть-чуть исправить это положение.

Великий полководец Александр Васильевич Суворов, побывав в 1791 году на Александровском заводе и познакомившись с его продукцией, свой доклад императрице составил из восклицаний: «Петрозаводск знаменит! Гаскойн велик!»

Не сомневаясь в оценке, которая отлилась в столь лапидарной форме, замечу, что и в последующие годы олонецкие пушки пользовались заслуженной славой, и это убеждает не только в талантливости

наших мастеров, но и в умелом руководстве петрозаводским арсеналом.

Одним из таких умелых руководителей завода в середине девятнадцатого века был Н. Фелькнер.

Несмотря на фамилию явно иностранного происхождения, Николай Александрович Фелькнер по рождению вятч. Свою трудовую деятельность молодой инженер Н. Фелькнер начал на Пермских заводах, показал себя там толковым специалистом и в июле 1840 года, по распоряжению главного управления корпуса горных инженеров, был переведен на Олонецкие заводы, где последовательно занимал следующие должности: смотритель заводских производств и цехов, ассессор горного военного суда, помощник управляющего завода, управляющий заводом, помощник начальника горного округа. С 12 апреля 1859 года – начальник всех чугуноплавильных и железоделательных заводов Олонецкого края.

По планам Фелькнера, завод, к тому времени уже считавшийся технически отсталым, подвергся коренному переустройству. Появилась новая литейная фабрика с двумя вагранками и двумя самодувными печами, новая кузница с пятнадцатью горнами – тогда говорили «огнями», – новая слесарно-механическая фабрика, новая мастерская для приемки артиллерийских снарядов, были перестроены пушечно-литейная и пушечно-сверлильная фабрики. Если при Гаскойне на заводе отливали в год 194099 пудов чугуна, то при Фелькнере – 241431 пуд, при Гаскойне за год изготавливали 85003 пуда орудий и снарядов (тогда продукция считалась не по количеству, а по общему весу), при Фелькнере же эту отметку подняли почти вдвое, до 157769 пудов.

Именно Фелькнер закрыл на Александровском заводе доменное производство, и в Петрозаводск стали доставлять не руду, а уже выплавленный на трех заводах округа чугун. Под его руководством был освоен передовой по тому времени способ отливки орудий, заряжающихся с казенной части, и машинная формовка снарядов малого калибра. По его же распоряжению во всех новых цехах-фабриках были установлены мощные двигатели и лучшие по тому времени станки, в значительной степени облегчающие ручной труд.

Что еще? По указанию Фелькнера в Петрозаводском уезде построили 600 верст новых дорог, каменную церковь в Кончезере и лютеранскую кирху в Петрозаводске. Уже на посту начальника горного округа Н. Фелькнер дослужился до чина генерал-майора и за свои неустанные труды был награжден орденами св. Анны I степени, св. Анны II степени с короной, святого Владимира III степени, св. Станислава I степени.

В январе 1872 года Фелькнер пошел на повышение: стал членом Горного совета и Горного ученого комитета. Тридцать два года своей жизни он отдал Александровскому заводу. Старики рабочие, провожавшие его в столицу, не стеснялись, плакали. Впрочем, он не забывал наш город, приезжал на 100-летний юбилей завода и еще дважды просто так, повидать полюбившиеся места, поговорить с бывшими сослуживцами. Умер Николай Александрович 3 декабря 1878 года. Выполняя его последнюю волю, тело было доставлено в Петрозаводск. У городской черты, у моста через Неглинку, гроб встретили мастеровые, священники, солдаты и офицеры местного батальона, десятки чиновников вместе с губернатором Г. Григорьевым.

Был ветер и снег. Печальная процессия проследовала на заводской двор. Здесь рабочие сняли гроб с траурных дрог и на руках отнесли его на кладбище.

В советское время кладбище, на котором захоронены Чарльз Гаскойн и Николай Фелькнер, попросту перестало существовать.

Совершив краткую обзорную экскурсию по Зареке и Голиковке, вернемся на улицу Луначарского, к тому месту, откуда мы начали свое путешествие, и отправимся в исторический центр города.

Прежде чем перейти Зарецкий (Пименовский) мост, поговорим немного о самой Лососинке.

Это река-труженица. Ее течение много лет без усталости вращало вододействующие машины и механизмы Петровского и Александровского заводов, а также переведенного Ярцовым из Кончезера медеплавильного производства и «французских» фабрик.

Еще в первой половине девятнадцатого столетия Лососинка была исследована, и тогда же пришли к выводу, что из-за высоты перепада воды и быстроты течения через каждые сто сажен реки можно ставить мельницу. Правительственные чиновники рекомендовали городу в полной мере использовать

столь удобный природный фактор для пополнения местной казны. Но эти советы были, что ни говори, из области благих пожеланий, жизнь при заводе-арсенале в окружении бедного крестьянства на тощих землях диктовала свои условия. За следующие после того исследования полстолетия на Лососинке появилась только одна мельница. Она находилась выше заводской плотины и принадлежала Роману Адамовичу Армстронгу, который десять лет возглавлял Олонецкие горные заводы, а впоследствии – Петербургский монетный двор. Позднее мельница перешла в собственность города и вскоре была отдана в аренду сроком на 25 лет мещанину Корытову.

В 1889 году на Лососинке появилась еще одна мельница. Ее построил ниже Пименовского моста купец Пикин. Два колеса нижнего боя, каждое из которых было более четырех метров в диаметре при ширине крыльев в полтора метра, приводили в действие механизм, вращающий жернова ограниченной работы, специально доставленные из Петербурга. Современники писали, что в теплое время на мельнице можно было смолоть до шестидесяти кулей ржи, а зимой и до ста кулей. Здесь есть одна тонкость, нынешними горожанами забытая: зерно, тронутое холодом, легче мелется, а куль – это старая мера сыпучих тел: один куль равен девяти пудам, т.е. 144 килограммам.

Плата за помол у Пикина была божеская: 30 копеек с куля, или 3 копейки за пуд. Еще 10 копеек бралось за набивку мешка и взвешивание. Чуть ли не все петрозаводские хлеботорговцы везли сюда зерно, закупленное на ярмарке в Рыбинске, да и местным крестьянам новая мельница вскоре понравилась: по скорости ее работы при радующей глаз чистоте муки, к тому же здесь не было томительных очередей.

Плотина городской электростанции

Рядом с мельницей Пикин поставил пилораму, приводимую в действие одним из водобойных колес. За сутки на ней можно было распустить на доски до восьмидесяти бревен.

В ноябре 1891 года это мукомольно-лесоопильное предприятие от нечаянно зароненного огня сгорело. Весь город обсуждал это событие. А Пикин? Что Пикин? Поскольку мельница была предусмотрительно застрахована в обществе «Россия», он получил страховую премию, добавил к ней сумму в пять тысяч рублей и через год поставил на пепелище другую мельницу, еще лучше прежней. Чтобы уберечь новое строение от пожаров, Пикин решил осветить его электричеством. Из Петербурга была выписана динамо-машина, которую приводили в действие все те же водобойные колеса.

В 1897 году к Петрову дню (30 июня) от мельницы в общественный сад были протянуты провода, и в День города под аплодисменты собравшихся засияли несколько фонарей. Так сын купца и сам купец Марк Николаевич Пикин стал пионером электрического освещения Петрозаводска. Приветствуя данное начинание, газета «Олонецкие губернские ведомости» писала, что, возможно, со временем и владельцы магазинов в гостинином дворе признают удобство электричества, а затем оно привьется и всему городу.

Через тринадцать лет после этой иллюминации у нас стала действовать первая городская электрическая станция, построенная здесь же, неподалеку от Пименовского моста. Когда возводили ее здание, то при рытье котлована строители наткнулись на подгнившие бревна петровской поры, которые напомнили о заводе, давшем жизнь нашему городу.

Миновав мост и полуразрушенное здание ГЭС, мы с вами выходим к южной границе общественного (иначе – городского) сада. Сейчас он называется Парком культуры и отдыха (ПКиО). Это и подобные ему по сути своей бессмысленные словосочетания, появившиеся в советское время, могут с ума свести – не пора ли вернуть саду его историческое имя? Или назвать его Петровским, что тоже было бы правильно – ведь именно здесь находился Петровский дворец, близ которого были посажены первые деревья.

Сразу за городским садом открывается на две стороны перспектива проспекта Карла Маркса. Более короткая его часть, та, что поднималась от пристани, некогда называлась улицей Соборной. Она заканчивалась у большого кафедрального собора.

Прежде чем мы пойдем дальше, расскажу об этом храме.

Три этюда при свечах

Этюд первый. С молитвой в подземелье

Под большим секретом мне, как литератору, пишущему об истории города, как-то открыли страшную тайну. Причем сделал это человек серьезный и вообще заслуживающий всяческого доверия. Сказано же было, что будто бы до сих пор под музыкальным театром имеется подземная церковь, наподобие молитвенных катакомб ранних христиан, а тайный вход в нее – из одноэтажного каменного здания, стоящего неподалеку от памятного знака городам-побратимам.

Что и говорить, эта новость меня сильно удивила. Не потому, что ничего не знал о подземном храме, как раз знал, но думал, что о нем все давным-давно забыли, и собирался как-нибудь при случае рассказать и об этой достопримечательности старого Петрозаводска. Пожалуй, время пришло, ведь природа слухов проста: они появляются там, где недостает достоверной информации.

Так вот, пещерная, или иначе подземная, церковь у нас действительно была. Но не тайная. Ее официальное открытие состоялось 2 октября 1866 года. Устроено святилище было в честь преподобных угодников олонецких Александра Свирского, Адриана Андрусовского, Афанасия Сяндебского, Никифора Воежезерского, Ионы Яшезерского, Ионы Климецкого, Корнилия Палеостровского, Александра Ошевенского, Кирилла Челмогорского и Лазаря Муромского.

В одной из церковных описей сказано, что в храме располагалось десять усыпальниц. Святой престол был сделан из простого дерева, высоту имел в один аршин шесть вершков, а длину и ширину – полтора аршина.

Из особо почитаемых икон в этой церкви документы прошлых лет отмечают образ Христа Спасителя, который был пожертвован великими князьями Сергеем и Павлом в канун св. Пасхи 1872 года.

Для города это был памятный праздник. «В среду пасхальной седмицы, – писал очевидец, – происходило духовное торжество, достопамятное и радостное для всей паствы. Утром, пред литургией, св. икона была перенесена с подобающей церемонией и при пении пасхального канона из архиерейского дома в подземную церковь, откуда вместе с крестным ходом обнесена вокруг нового соборного храма, а затем поставлена на аналое».

Бывшая вначале самостоятельной, подземная церковь впоследствии стала частью кафедрального собора, внутри которого находилась, вход в нее рас-

полагался с южной стороны храма. Просуществовала эта церковь до 1881 года и закрыта была тоже официально. В 1878 году для отопления собора за его левым клиросом установили один из пяти чугунных калориферов. После этого нововведения в подземной церкви стало невозможно находиться из-за неимоверной духоты. С разрешения епископа подземный храм закрыли, а престол и жертвенник разобрали, чтобы впоследствии восстановить на хорах собора, как зафиксировано в документе от 3 октября 1881 года, – «в приличном месте».

Этюд второй. Скорбный брат Христа Спасителя

До революции Петрозаводск украшал большой кафедральный собор. Он стоял почти на том месте, где в советское время возвели музыкальный театр, и внешне был очень похож на московский храм Христа Спасителя. Схожими оказались и их судьбы – петрозаводский собор тоже взорван.

Вспомним, как его строили и каким он был.

А что нам еще остается?

В день Преполовления Пятидесятницы – по церковному календарю, а по обычному – 27 апреля 1860 года неподалеку от Петропавловской церкви состоялось освящение места, определенного под постройку нового кафедрального собора.

Накануне были совершены молебствие и всенощное бдение, которые отправлял сам высокопреосвященный строитель – архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Аркадий.

После литургии, крестного хода и краткой речи владыки о важности задуманного дела добровольцы

одновременно со всех четырех сторон начали копать землю под фундамент. На это торжественное событие собрались сотни горожан. Многие из них вслед за архипастырем, показавшим, несмотря на преклонные годы, пример благочестивого труда, дружно приняли участие в рытье котлована.

31 декабря того же 1860 года «Олонецкие губернские ведомости» сообщили: «*В нынешнее лето выемка земли для кафедрального собора почти окончена. В будущее лето предполагается произвести устройство бута и начать кладку кирпичных стен со сводами, что будет продолжаться в 1862, 1863 и 1864 годах. На эти работы при готовности материала исчислено 9394 р. 8 1/2 коп.*».

Двенадцать долгих лет поднимал город свой главный храм.

Из казны на его строительство было выделено 55385 руб. 70 коп. Кроме того, как указано в архивных документах, средства на возведение собора собирали не только в Олонецкой губернии, но и за ее пределами.

Достроили и освятили храм в том же году, когда на Круглой площади заложили памятник Петру Великому, – в 1872-м. Так был отмечен 200-летний юбилей со дня рождения основателя Петрозаводска.

К сожалению, главному вдохновителю строитель-

Кафедральный Святодуховский собор (уничтожен в 1936 году)

ства, бывшему архиепископу Аркадию не довелось увидеть величественный итог своего пастырского подвига, он скончался в мае 1870-го.

Каким же он был, этот храм, поражавший всех, кто его видел, своей «красотой, стройностью пропорций и стильностью»?

Новый кафедральный собор в честь сошествия Св. Духа имел два боковых придела: на правой стороне – в честь и славу Воскресения Господня, на левой – в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Высоты здание от подошвы его подземного этажа до оконечности креста на центральной главке имело 26 с половиной сажен, то есть более 56 метров. Далеко окрест был виден сверкающий главный купол, обитый белой жемчужной. По четырем углам собора находились еще четыре купола поменьше, венчавших башенки. Крыша была покрыта железом. Стены, как изнутри, так и снаружи, оштукатурены и побелены известью. Три входа по трем сторонам света – западной, северной и южной – вели в храм. Все двери плотники сделали двустворчатыми, фасонными. Пол же был настелен обычный, дощатый, покрашенный желтой краской, а близ иконостаса расписанный под паркет. Внутри собор освещали 49 окон, забранных в железные решетки.

Иконостас был поставлен пятиярусный, подобный тому, который радовал глаз в Успенском храме Москвы.

Колокольни при соборе не имелось, но на одной из башен поместили пять колоколов: благовестник весом в 42 пуда 20 фунтов, имевший диаметр звукового кольца 1 аршин 8 вершков, и четыре зазвонных колокола, имевшие понизу диаметры в 12, 10, 7 1/2 и 4 вершка.

Красота и благочестие нисходили в души православных, вступавших под своды этого храма.

Этюд третий.

Из всех искусств для нас важнейшим является... манипулирование «мнением масс».

Не потому ли заблудился бродивший по Европе призрак, что, зародившись как научное течение, марксизм с годами все более и более костенел и становился похожим на религию. У церкви перенималась даже внешняя атрибутика: поклонение канонизированным ликам основоположников, торжественные церемонии съездов, слепая вера в догмы, упование на светлое будущее и т.д., и т.п.

Двум религиям, учитывая большевистскую нетерпимость к иной вере, в одной стране ужиться было невозможно, и молодая, но воинствующая, которая стала официальной, постоянно унижала и день за

днем, шаг за шагом уничтожала другую, прежнюю, по сути своей более человеческую и терпимую.

В жизни это почти всегда происходило по одной и той же схеме: вначале у верующих отбирали храм, который впоследствии использовали для каких-то иных приземленных целей, например, устраивали в нем склад, магазин, клуб, столовую. Случалось, и неоднократно, что наиболее почитаемые в народе церкви просто уничтожали.

Одновременно велась идеологическая обработка населения, где главная роль отводилась средствам массовой информации, которые действовали под большевистским диктатом.

Происходило это следующим образом.

Итак, год 1930-й. Обзор большевистской печати.

Переход на новое летосчисление

Общее собрание сотрудников КарЦИКа вынесло постановление о передаче петрозаводского собора на культурно-просветительные нужды.

Кроме того, собрание постановило возбудить ходатайство о переходе на новое летосчисление. В основу нового летосчисления должен быть взят год Октябрьской революции.

Онежские рабочие требуют закрыть собор

Три цеха Онежского завода – литейный, сборочный и ремонтный – слушали доклад о сущности Рождества. Рабочие высказались за необходимость передачи кафедрального собора под культурно-просветительское учреждение и вызывают все остальные цеха завода последовать их примеру. В частности, сборочный цех вызывает рабочих кузницы завода немедленно вынести такое же решение.

В своих резолюциях рабочие отметили, что в дни январского рождества все как один выйдут на работу, и заверяют, что никакие религиозные праздники не нарушат хода нашей непрерывки.

Говорят школьники

Учащиеся 3-й школы 1-й ступени, обсудив на общем собрании вопрос о рождественских праздниках, высказались за закрытие собора, за запрещение продажи елочных украшений, за снятие колоколов и 100-процентную явку на занятия в день рождества.

Помимо этого, учащиеся высказались за то, чтобы ни один из школьников в дни праздников не пошел в церковь или христославом по домам.

Категорически запретить продажу елочных украшений требуют учащиеся 4-й группы первой семилетки.

Мы против религии

На общем собрании военнослужащих совместно с шефами заслушивался доклад о религии как тормозе социалистического строительства. Собрание единогласно постановило: обратиться к правительству Карелии с просьбой передать кафедральный собор под культурное учреждение.

Голос комсомольцев

Аплодисментами встретило районное собрание комсомольских производственных ячеек предложение закрыть собор и передать его под культурные нужды. Предложение принято было единогласно. Почину комсомольцев, присутствовавших на районном собрании, должны немедленно последовать комсомольцы всех ячеек, а с ними и вся рабочая молодежь Петрозаводска.

Голос масс

300 рабочих и служащих и членов-пайщиков Петрозаводского ЦРК слушали лекцию на тему «Культурная революция и религия».

В заключение присутствующие на собрании единодушно приняли резолюцию, в которой просят карельское правительство ускорить закрытие кафедрального собора и передать его под культурное учреждение.

Соборная улица

* * *

150 слушателей Петрозаводской школы повышенного типа для взрослых, рабочих общеобразовательных курсов и школы работающей молодежи единогласно высказались за передачу собора под культурное учреждение и снятие всех колоколов с петрозаводских церквей. Слушатели призывают остальную учащуюся молодежь и курсы взрослых рабочих последовать их примеру.

* * *

160 учителей и учащихся 2-й школы 1-й ступени присоединяются к требованию трудящихся Петрозаводска передать собор под культурное учреждение, а церковные колокола – в фонд индустриализации.

* * *

Общее собрание служащих Центральной больницы единодушно высказалось за закрытие собора.

* * *

Комсомольское собрание трактористов и шоферов заслушивало доклад об итогах 1-й бытовой конференции молодежи. Собрание высказалось за передачу собора под культурное учреждение.

* * *

Делегатское собрание женщин станции «Петрозаводск» и работницы прачечных единогласно заявили о необходимости немедленной передачи кафедрального собора под культурное учреждение.

Собор должен быть закрыт

Беседа с председателем горсовета тов. Потаповым.

– Мы вполне присоединяемся к голосу широких масс, – сказал тов. Потапов. – Трудящиеся осознали, что религия явный дурман, за религию, за попов, за собор держатся лишь те лица, которые видят в этом свой последний оплот и выгоду. А рабочий класс требует закрытия церквей и превращения их в дома культуры.

Мнение петрозаводских трудящихся выяснено.

Требование превратить собор во дворец культуры – единодушное. Нет сомнения в том, что президиум горсовета учтет настроение трудящихся...

Президиум КарЦИКа удовлетворил требование трудящихся

На последнем заседании президиума КарЦИКа обсуждался вопрос о закрытии петрозаводского кафедрального собора.

Президиум КарЦИКа постановил: кафедральный собор в Петрозаводске закрыть, а здание его передать петрозаводскому горсовету для использования под молодежное кино.

Требование масс выполняется

В воскресенье 26 января 1931 г. президиум горсовета рассматривал вопрос об изъятии кафедрального собора от общины верующих.

Представитель совета воинствующих безбожников сделал на президиуме краткий доклад о требовании трудящихся немедленно закрыть собор и передать все колокола на индустриализацию страны.

В голосовании о закрытии участвовали не менее 20 тысяч человек. Если исключить из общего числа петрозаводского населения детей, больных и уехавших в лес и т. д., то можно сказать, что

приговор вынесен почти единодушно всем населением.

Настроение рабочих масс нашло яркое отражение на страницах газеты «Красная Карелия», где этот вопрос весьма широко освещался.

Ни в одно из петрозаводских учреждений не поступило заявления о необходимости сохранить собор. В своих резолюциях рабочие высказывались не только за закрытие собора, но и за снесение колоколов, вскрытие мощей «угодников».

Президиум горсовета постановил: с 1 февраля запретить колокольный звон во всех церквях Петрозаводска и передать колокола на индустриализацию страны.

Как использовать закрытый собор?

Вначале предполагалось передать собор под театр или рабочий клуб. Однако проведенным обследованием установлено, что для этого потребуются слишком большие затраты. Например, чтобы приспособить собор под рабочий клуб, необходимо затратить на это дело не менее 200 тысяч рублей. Самое целесообразное – передать петрозаводский собор ленинскому комсомолу для организации молодежного кино. Расход на переоборудование бывшего собора под кино потребует сравнительно небольшой, и в самый кратчайший срок комсомол сможет развернуть культурную работу в церковном помещении.

Рабочие организации объявляют желание помочь комсомолу в работах по переоборудованию собора и снятию колоколов.

Красноармейцы N-ского батальона заявили о своей готовности произвести заготовку топлива для нужд молодежного кино.

Президиум горсовета постановил передать собор под молодежное кино, на оборудование которого решено авансом выдать комсомолу 3 тысячи рублей.

* * *

Несмотря на то что требование «превратить собор во дворец культуры» было, как утверждалось, «единодушным», далеко не все горожане согласились с решением президиума горсовета, и даже происходили, по сегодняшней терминологии, «массовые выступления».

Вот как о них рассказывала «Красная Карелия»:

Вопли религиозных старух не заглушат голосов трудящихся масс

Кафедральный собор будет закрыт – таково непоколебимое решение президиума горсовета.

Демонстрация старух и торговок

Попы и их приспешники организовали свою «паству», то есть старух, торговок и разных проходимцев, для демонстрации протеста против решения президиума горсовета об изъятии собора из общины верующих и передаче его под молодежное кино.

В этот день предполагалось созвать внеочередной пленум горсовета для утверждения решения президиума о закрытии собора. Толпа религиозных кликуш, собравшись в соборе, около восьми часов вечера направилась в горсовет, чтобы на пленуме отстаивать свое право на владение собором.

Однако пленум горсовета в этот день не состоялся, так как еще раньше он был перенесен на 7 февраля.

В горсовете в этот день работали два человека. Толпа старух окружила сотрудников и стала требовать, чтобы их допустили на пленум.

Начались истеричные крики:

– Не отдадим собора. Он на наши деньги построен...

Под напором старух один из сотрудников написал «бумажку», что пленум перенесен на 7 февраля.

Получив письменный «документ», толпа успокоилась. В это время другой сотрудник позвонил в милицию, до прибытия которой старухи разошлись.

* * *

Нет смысла комментировать эту публикацию, с упоением повествующую, как обманули доверчивых людей. Да и что они могли изменить?

Но еще до того, как было принято решение о

Театр «Триумф», справа – здание бывшей гауптвахты, в которой располагалась первая городская телефонная станция

закрытии собора, всех верующих через газету предупредили, что **завтра прекращается колокольный звон.**

Завтра, 1-го февраля, во всех петрозаводских церквах прекращается колокольный звон. Такое решение по требованию трудящихся вынес президиум Петрозаводского горсовета несколько дней тому назад.

Всякий, кто осмелится нарушить постановление президиума горсовета, понесет строгое наказание. Мы напоминаем об этом всем церковным советам, попам и верующим.

* * *

А через неделю «Красная Карелия» опубликовала на своих страницах следующий материал.

Превратим столицу Карелии в безбожный город

Сегодня в театре «Триумф» в 6 часов вечера созывается очередной пленум Петрозаводского городского Совета. Пленум будет обсуждать вопрос о закрытии кафедрального собора.

Все предприятия и учреждения города выбрали делегации, которым поручено ходатайствовать перед пленумом о немедленном закрытии кафедрального собора.

На многих предприятиях рабочие и служащие дают своим делегациям наказа настаивать на передаче собора под кино рабочей молодежи.

Общее собрание служащих КарЦИКа, Совнаркома, Центрархива и УСО дало наказ своим делегатам категорически потребовать от городского Совета закрыть все церкви Петрозаводска, превратить столицу Карельской республики в безбожный город.

* * *

В конце концов в бывшем Святодуховском кафедральном соборе открыли обычную столовую. Разумеется, плохую, потому что за все годы советской власти хорошие «точки коллективного питания» существовали только для идеологических работников и начальствующего состава, а эта была рабочая, иными словами, общественная.

Свидетельство очевидца: *«Все красоты Карелии меркнут при воспоминании о возмутительной постановке дела в столовых Петрозаводска, где за плохим обедом приходится стоять:*

- в кассовой очереди за талоном,
- в очереди за ложкой и вилкой,
- в очереди за хлебом,
- в очереди за первым блюдом,
- в очереди за вторым
- и в очереди... на сдачу ложки и вилки.

В редакции «Красной Карелии», когда я заговорил об этом факте, мне не дали договорить до конца и предугадали, что именно вызывает мое негодование:

– *Вероятно, вы по поводу нашего центрального рабочего кооператива! Так ведь?.. Ума не приложим, что с ним делать!»*

* * *

Мне встречались утверждения, что собор уничтожили в тридцать пятом году, то есть после убийства Кирова и решения карельских властей об установке ему памятника в центре Петрозаводска. Эта дата ошибочна. В Национальном архиве РК имеются финансовые отчеты той самой столовой за полных двенадцать месяцев 1935 года. Кстати сказать, ни о каких достижениях в них нет ни слова.

Храм взорвали в следующем, тридцать шестом году.

Битый кирпич с площади убирали несколько месяцев, и на этой работе тоже были свои ударники – возчики кооператива «Красный транспортник».

Улица Соборная, если по ней спуститься к батюшке-Онего, приводит к пассажирскому порту, который раньше называли просто пристанью, а точнее – городской общественной пристанью. С давних пор здесь с весны до глубокой осени торговали рыбой.

На старых снимках видно, что в гавани у пристани всегда было тесно от лодок. Сюда приплывали не только крестьяне окрестных обонежских деревень, но и жители Заонежья, Кондопожского конца, Пудожского берега.

Чтобы плывущим в Петрозаводск было легче

ориентироваться, на пристани стоял маяк, который был «устроен в 1839 году градским головою купцом Ф.И.Фоминим».

Находилось это навигационное сооружение на углу пристани и первоначально возвышалось над водой на семь сажен.

Морское ведомство, сплавлявшее корабельные леса, заготавливаемые по берегам Суны и Шуи, оценило услугу, оказанную онежскому судоходству петрозаводским обществом, и после постройки маяка предоставило для него два рефлектора с лампами. В Петрозаводск был командирован опытный смотритель, который произвел установку осветительной аппаратуры, показал, как ею пользоваться, а также сообщил «что следует наблюдать для дальнейшего содержания маяка в исправности».

В одной из Памятных книжек Олонецкой губернии говорится, что один из рефлекторов его смотрел в сторону Соломенного, другой – на Онежское озеро. «Первый рефлектор подвижный и может быть свободно обращен ко второму, чтобы вместе сильнее освещать путь для судов, идущих по озеру; по показаниям лоцманов, свет от нашего маяка бывает виден за 30 верст».

Так ли это было на самом деле, сегодня проверить трудно. В другом источнике, а именно в одном из номеров «Олонецких губернских ведомостей», утверждается, что этот свет моряки замечали за 20 верст.

В 1844 году Петрозаводск посетил великий князь Константин Николаевич. Прибыл он на пароходе «Ладога» вместе с небольшой свитой. Августейший путешественник посетил Петропавловскую церковь, побывал на Александровском заводе, где ознакомился с отливкой и сверловкой пушек, посмотрел он и огневую пробу готовых изделий. Из-за дождливой погоды намеченную поездку в Марциальные Воды и на Кивач пришлось отменить, и высокий гость тем же пароходом отправился в Вытегру.

В память об этом визите горожане назвали маяк, которым очень гордились, Константиновским, о чем свидетельствовала укрепленная на видном месте чугунная доска с надписью: *«С Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, маяк, названный Константиновским, по имени Его Императорского Высочества Князя Константина Николаевича, построен в 1839 году Петрозаводским городским обществом с участием в пожертвовании и других лиц».*

При подготовке к встрече императора Александра II, состоявшейся в 1858 году, в Петрозаводске перестроили обветшавшую пристань. Она стала не только больше, но и шире. Константиновский

маяк после реконструкции перенесли на восточный конец поперечной дамбы. В нем сделали удобный вход, прорубили большие окна. Кроме того, он стал выше и теперь поднимался над водой на 9 сажен, то есть более чем на 19 метров. Писали, что после перестройки свет рефлекторов стал виден на расстояние, вдвое большее, чем прежде. Но, вероятнее всего, это еще одна из местных легенд. Как бы то ни было, именно этот маяк помогал держать нужный курс судоводителям, когда открылось регулярное пароходное сообщение между Петрозаводском и Санкт-Петербургом.

В 1903 году петрозаводское Общество спасения на водах для более безопасного плавания по Онего решило построить на пристани часовню. По подписным листам для сбора пожертвований к концу года было собрано 117 рублей.

Лик Божьей Матери, давно интересовавший наших спасателей, находился в селе Леньково Черниговской губернии. Протекает там речка Рома, и народная молва утверждает, что в ее опасных водоворотах часто тонули лодки и гибли люди. Но как только на горе поставили церковь Богородицы, несчастья на воде тотчас прекратились. Горку ту, конечно, назвали Богородичной, а главная икона храма стала «Спасительницей утопающих» и была признана чудотворной. Художник-иконописец С. Полунин по просьбе наших спасателей согласился снять с нее копию. Работу эту он выполнил с благословения преосвященного Антония, епископа Черниговского. Новая икона была написана на стекле и, по свидетельству всех ее видевших, производила сильное впечатление. Вместе с доставкой в Петрозаводск она обошлась в 52 рубля.

Городская общественная пристань

К оставшимся 65 рублям горожане собрали еще 180, да купец Н. Пикин добавил 100, и в июле 1904-го по проекту техника губернского земства А. Околова заложили часовенку. Строили ее недолго и уже 13 сентября того же года освятили.

Многие крестьяне, приплывавшие на петрозаводские рынки из дальних деревень, прежде чем отправиться в обратный путь, не забывали поставить перед ликом Чудотворной свечку. Помогало ли это избежать несчастий или нет – дело пятое, зато на душе у всех находящихся в лодке даже в непогоду было спокойнее.

Двадцать лет спустя воинствующие безбожники писали в «Карельской коммуне»: «На общественной пристани стоит небольшая часовенка. По бокам деревянные кресты и короны. Никто даже из верующих в эту часовню не заглядывает. Скоро откроется навигация. К переведенному на пристань рынку стекается масса публики. Из этой часовни надо будет лучше сделать киоск для продажи местных и центральных газет и журналов. Пользы будет больше».

Так что дальнейшая судьба часовни была предрешена, и сегодня мы можем увидеть ее только на старых фотографиях.

По давней традиции, в конце июня у нас всегда проходили большие народные гулянья, приуроченные ко дню святых апостолов Петра и Павла. В эти дни на площади у общественной пристани шумела самая богатая в городе Петровская ярмарка.

«Если вы любитель хороших видов, отправляйтесь за день или два до этого праздника, вечером, в ясную погоду, на пристань и не поспешайте провести там полчаса, – писал в середине девятнадцатого столетия обозреватель «Олонецких губернских ведомос-

тей», – на пространстве, какое может окинуть ваш взгляд, на озере Онего, вы увидите множество оснащенных лодок разной величины, едущих к пристани; горизонтальные лучи заходящего солнца играют розовым отливом на их парусах, белеющих в синеве озера и неба, и нам представляется привлекательная картина, декорации которой будут изменяться по мере заката солнца и, наконец, придадут ей совершенно другой колорит в лунную ночь».

По свидетельству очевидцев, мачты лодок, собирающихся на Петров день в гавани, были подобны густому лесу.

На этой ярмарке можно было увидеть все, чем славились окрестности Петрозаводска: муку ржаную и пшеничную, рыбу, мясо, масло, кожу, железный уклад, гончарные изделия, точильные бруски, мраморные безделушки, кованые орудия труда...

Два дня продолжалась бойкая торговля, и два дня гулял народ: с хороводами, песнями, кадрилиями под балалайку и гармонь.

От общественной пристани до Левашовского бульвара протянулась вдоль берега Владимирская набережная. Она была застроена только с одной стороны, а другая, обращенная к озеру, была занята лодками горожан, которые, кстати, никогда не запирались на замки.

О названии набережной мы поговорим, когда выйдем на Мариинку, именно там об этом уместно вспомнить, а сейчас вернемся на Соборную.

Неподалеку от того места, где эта улица выходит на площадь, находилась памятная для города могила.

И здесь самое время рассказать о блаженном Фаддее.

В 1706 году, на третий год после начала строительства Петровского завода, объявился в слободе новый житель. Был он седой, лицо имел круглое, взгляд кроткий, высокое бледное чело избороздили глубокие морщины. Звали этого старца Фаддеем.

И в дождь, и в ведро носил Фаддей грубую свитку, сквозь дыры в которой можно было видеть тяжелые железные вериги. Железный же посох был его опорой. Поговору угадывалось, что человек он местный, но откуда пришел – никто не знал.

Душу светлую, нрав добродетельный, ум глубокий и тонкий скрывал Фаддей под маской юродства. Веру он исповедовал православную. Посещая церковь, молился с усердием. Случалось, что раскольники, которых немало было в слободе, пытались убедить его в истинности своего учения. Свирепел Фаддей и, осенив себя крестным знаменем, вразумлял их тяжким своим посохом.

Пищу он употреблял только постную и един-

ственно для поддержания плоти. Полученные от благотворителей деньги относил в храм Божий или раздавал беднякам.

По наружным лестницам Фаддей часто поднимался на самый верх Петропавловской церкви и оттуда, с высоты птичьего полета, предсказывал недолгий век Петровского завода, но на смену ему, говорил он, будет построен другой завод, более обширный, и умножится народонаселение места сего, и разрастется слобода, и в большую известность войдет среди других городов. Люди слушали благочестивого старца, и многие ему верили.

Петра Великого Фаддей обожал. В каждый приезд монарха искал с ним встречи и находил ее – вход в царский дворец для юродивого всегда был открыт.

В последний раз они увиделись в 1724 году. Недолгой была беседа: государь спешил на железистые воды, недуг одолевал его. Прощаясь, сказал: «Блаженный старец, в молитвах своих воспоминай меня и на путь благослови».

«Господь благословит вхождение и исхождение твое отныне и до века, – ответил Фаддей и заплакал: – Не увидимся мы боле, надежда-государь. Прощай же».

Петр нахмурился, рассердился, а рассердившись, приказал установить за юродивым крепкий надзор. С тем и уехал.

На следующий год 28 января Петра не стало. Рассказывают, что перед кончиной он внезапно вспомнил предсказание Фаддея, послал на Петровские заводы курьера с приказом освободить юродивого и до конца дней назначить ему полный пансион.

Недолго пользовался Фаддей царской милостью. Он умер через год. Над его могилой устроили небольшую часовенку. Когда же возвели Святодуховский собор, могила благочестивого старца вошла в его ограду.

Обращаться к Фаддею и попросить о чем-нибудь считалось в городе делом почти беспрюрышным. Обычно ему писали записки, которые оставлялись на могильной плите. Традиция эта была жива еще в первые годы советской власти.

Вот, к примеру, о чем просили благочестивого старца в конце 20-х годов прошлого столетия (орфография и пунктуация сохранены):

«Фаддей блаженный, раб божий, помоги мне учиться и здать экзамен, помоги мне учиться, раба божия Мария»;

«...помоги мне ответить по всем предметам и перелезть в следующий класс»;

«...помоги рабе божьей Ольге, чтобы раб божий Михаил остался жить в Петрозаводске и женился на мне»;

«...помоги рабе божьей Анне найти поскорее квартиру. Хожу в жилищный отдел два месяца и все не дают»;

«...помоги рабу божию поступить на службу, будь милостив»;

«...помоги выздороветь нашей корове, которая у нас одна и она сильно исхудала, не знаю, что с ней и сделалось. Раба божия Катерина».

Неподалеку от этой памятной могилы улица Соборная, поднявшись в крутую гору, встречается с улицей Пушкинской.

Почему-то многие полагают, что Пушкинская свое имя получила в советское время. На самом же деле этому названию более ста лет.

29 марта 1899 года состоялось заседание городской думы, на котором присутствовали пятнадцать постоянных членов и два представителя земской управы. Председательствовал городской голова И. Зайцев.

В сохранившемся до наших дней протоколе обычное «слушали – постановили».

«Слушали:

Заявление городского головы в следующем: 26 мая (по старому стилю. – **В. В.**) сего года исполняется сто лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина – гениального поэта русской земли. Этот знаменательный день будет праздником для всех, кому только дороги слава и величие нашей родной литературы, и поэтому он, голова, сообразно средств городского управления, предлагает переименовать Старо-Полицейскую улицу в центральном участке города в Пушкинскую, а кроме того, учредить при городском училище стипендию имени А.С. Пушкина и выдать в распоряжение дирекции народных училищ сто руб. для

Улица Мариинская и Соборная площадь, слева – Гостиный двор

раздачи вещами пособия беднейшим ученикам двух приходских мужских и одного женского училищ. Расход на этот предмет употребить из свободных сумм, ныне хранящихся в городской казне.

Постановили:

Предложение городского головы о чествовании столетия со дня рождения А. С. Пушкина принять и вызываемый для сего расход покрыть из указанного в докладе головы источника».

В 1918-м году, когда состоялись «красные крестины» городских улиц, Пушкинскую не тронули. В сорок первом финны, оккупировав Петрозаводск, дали ей другое литературное имя – она стала улицей Леннрота. В сорок четвертом прежнее название снова вернулось на карту города.

А после окончания Великой Отечественной войны между Пушкинской и набережной был заложен новый парк, его подзабытое сегодня имя – Парк Победы. Все деревья и кусты там посажены во время проведения общегородских субботников и воскресников.

У площади Кирова много старых названий. Она была Крепостной (в память о крепостных укреплениях Петровской слободы), Соборной (в честь кафедрального собора), в 1918-м стала площадью Культуры, но это название не прижилось, и она вначале была площадью Революции, а затем – Свободы. В центре ее до революции стоял памятник Александру II работы академика Шредера, известного горожанам по памятнику Петру Великому.

На площади и в то же время на осевой линии Соборная – Мариинская стоит одно из самых памятных зданий нашего города – здание бывшей Олонецкой мужской гимназии. О нем неоднократно писали историки, архивисты, сотрудники му-

зеев, искусствоведы, архитекторы, журналисты и просто любители старины. Поэтому я лишь напомним имена некоторых выпускников гимназии, ставших впоследствии знаменитыми: это профессор Московского университета А.И.Чивилева, известный российский поэт В.Г.Бенедиктов, с 1857 по 1863 гг. в гимназии учился Ф.Ф.Фортунатов, языковед с мировым именем, а с 1861 по 1863 гг. – будущий великий художник В.Д.Полленов.

Сейчас в бывшей гимназии располагается Музей изобразительных искусств Республики Карелия. По соседству с ним (ближе к улице Куйбышева) еще одно старое здание. Оно было построено в 1840 г. петрозаводским купцом Г.М. Сывороткиным. После смерти купца дом был выкуплен, и на верхнем его этаже размещалась квартира директора гимназии.

С другой стороны музея ИЗО, в здании, которое сейчас занимает ансамбль «Кантеле», некогда располагалась женская гимназия. Первоначально в Петрозаводске было открыто женское училище с шестилетним сроком обучения. Произошло это событие в 1861 году. В 1870 году училище было преобразовано в гимназию.

Через площадь от бывшей женской гимназии до сих пор стоит двухэтажное деревянное здание. Закладка его состоялась в 1894 году. Деньги на строительство в сумме 40 тысяч рублей выделило Министерство народного просвещения. 20 августа 1895 года состоялось торжественное открытие нового учебного заведения, которое должно было готовить кадры квалифицированных рабочих для Александровского завода. Приемный возраст для поступающих был определен 11-15 лет, кроме хорошего здоровья требовалось «знание курса наук начальной школы». Первоначально училище состояло всего из одного класса, в котором обучалось пятнадцать учащихся. Уже на следующий год количество классов увеличилось до трех, а число учащихся – до тридцати девяти.

Знарок истории народного образования и просвещения в нашем крае Василий Кондратьев пишет: «В Петрозаводское ремесленное училище принимались все дети без различия сословий и вероисповедания, был открыт доступ детям крестьян. Для организации практических занятий училище имело: паровой котел на 12 сил, паровую машину 16 сил, 6 приводных станков, 10 токарных ножиц, 2 сверлильщика, тиски и прочий инвентарь».

Уже в 1897 году училище организовало первую выставку графических и слесарных работ учащихся, которую посетило свыше трехсот горожан. В 1900 году на Всемирной выставке в Париже нашему ремесленному училищу, представившему альбом по

черчению и ряд слесарно-токарных работ, были вручены диплом и золотая медаль. Совсем неплохой результат для учебного заведения, существовавшего лишь пять лет.

В 1909 году ремесленное училище было переименовано на подготовку судовых механиков и в связи с этим стало называться низшим техническим училищем. В советское время это здание занимали то индустриальный техникум, то школа ФЗО, то сельскохозяйственный техникум, то ремесленное училище № 4. Сейчас в нем расположился офис музея-заповедника «Кижы».

Возьмем в руки нашу путеводную карту образца 1887 года и отправимся дальше.

Первой улицей, открывающейся за площадью по правую руку, будет... читаем: «Жуковская». А это значит, что в Национальном архиве РК хранится не оригинал карты, а его копия, созданная в начале XX века. В 1887 году означенная улица называлась «Соломенская». Имя основоположника русского романтизма Василия Андреевича Жуковского улица получила в 1902 году, когда в России широко отмечался 50-летний юбилей со дня смерти этого замечательного русского поэта.

На старой почтовой открытке, запечатлевшей эту улицу, имеется надпись «Сенная площадь с каруселью». На самом деле это не сама площадь, а лишь один ее торговый ряд, сама же площадь находилась чуть дальше, сейчас на ее месте сквер с памятником И.И. Сенькину. Сенная (или Торговая) площадь в Петрозаводске просуществовала до двадцатых годов прошлого столетия. Из-за множества мелких лавок, лавчонок, открытых прилавков и жуткой антисанитарии в городе ее чаще называли «шанхаем».

Бросив прощальный взгляд на улицу Жуковскую, выходим на Мариинскую (пр. Карла Маркса).

Это одна из главных улиц старого Петрозаводска. Первоначальное ее название Нагорная линия, потому что проходила она по высокому берегу Лососинки – по горе. Во времена Аникиты Сергеевича Ярцова, строителя и первого начальника Александровского завода, эта улица получила название Петербургской. Именно здесь селились многие иностранные специалисты, приехавшие вместе с Чарльзом Гаскойном, который по указу императрицы сменил на посту Ярцова, поэтому немудрено, что вскоре улица стала именоваться Английской. Но, судя по всему, это название в городе приживалось с трудом, и через полстолетия корреспондент «Олонечских губернских ведомостей», рассказывая о праздновании Масленицы, пишет, что благородная публика для гулянья собралась на Петербургской улице, известной также как Английская.

В восьмидесятые годы девятнадцатого столетия Английская чудесным образом превращается в Мариинскую. Но в истории вдруг ничего не происходит, все имеют свои причины и свое обоснование. Откуда же взялось новое имя?

От названия рукотворной водной системы, знаменитой Мариинки – утверждается в одном из краеведческих изданий.

От имени государыни императрицы Марии.

А какой Марии?

Супруги Павла I, бывшей принцессы Виртембергской, ставшей в России Марией Федоровной, а до перехода в православие звавшейся просто София-Мария-Доротея-Августа-Луиза? Или супруги Александра II, принцессы Гессен-Дармштадтской, принявшей имя Марии Александровны? А может, августейшей супруги Александра III, бывшей принцессы Датской императрицы Марии Федоровны? Одна из названных Марий снискала себе известность тем, что под ее патронажем в стране была создана широкая сеть благотворительных учреждений, другая приложила немало сил в области женского образования, третья была матерью последнего российского царя.

Так в честь какой Марии названа одна из главных улиц Петрозаводска?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, я просмотрел журналы заседаний городской думы за 80-е годы XIX столетия – без участия думцев переименование улицы попросту не могло произойти. А данный временной отрезок был выбран потому, что в начале 80-х губернские «Ведомости» еще называют улицу Английской, а в конце десятилетия – уже Мариинской.

Слева – мужская гимназия, справа – женская гимназия, которые располагались на Соборной площади

Искомые сведения были обнаружены посередине – в 1885 году.

Оказалось, что в 1884 году наш город решил посетить великий князь Владимир Александрович, младший брат царствующего Александра III. Выехал он из Петербурга по железной дороге на литерном поезде и вначале отправился в сторону Череповца.

Через несколько дней покинула столицу и его жена.

Центральные газеты из номера в номер сообщали: «Князь прибыл в Грузино, откуда отправился в Боровичи... Княгиня проследовала через Лодейное Поле... Князь произвел смотр отдельного кадрового 87-го запасного батальона... Княгиню встретили в Вознесенье народным гимном «Боже, царя храни»... Князь посетил Кириллов монастырь... Княгиня прибыла на пароход, который отправился по Мариинской водной системе...»

На Мариинке, у шлюза, носящего имя св. Анны, они и встретились. Затем, уже вместе, посетили Вытегру, откуда на пароходе «Петербург» прибыли в Петрозаводск.

Хлеб-соль, торжественные речи, молебствие в кафедральном соборе и все, что в этом случае полагается, – все это было.

Утром следующего дня великий князь Владимир Александрович отправился на смотр петрозаводского батальона: он был не только одним из представителей царской фамилии, но и командующим Петербургского военного округа и к этим своим обязанностям относился с большой ответственностью.

Четыре развернутые роты, имея на фланге оркестр военной музыки, встретили высокого гостя на Соборной площади.

«Обойдя молодецкие ряды, – писали местные «Ведомости», – Его Высочество приказал начать батальонное учение; согласие в ружейных прие-

мах, внимание и тишина во фронте не оставляли желать лучшего; батальон представлял одно целое, мастерски обученное; затем произведено было построение и развертывание колонн. Для ротного учения с порохом была вызвана 1-я рота, показавшая себя молодцами. После церемониального марша батальону приказано следовать с музыкой и песнями домой».

Потом князь – еще до завтрака – успел осмотреть дом инвалидов, богадельню, тюрьму. Уже днем он побывал на Александровском заводе и пробной батарее. Не поленился съездить и в батальонные казармы, где интересовался солдатским бытом.

В качестве увеселительной программы местные власти устроили гостям поездку в Соломенное, где они осмотрели скальные выходы брекции и церковь древнейшего погоста. После этого августейших визитеров повезли любоваться красотами Кивача.

По возвращении от водопада великий князь и его приятель герцог Мекленбург-Шверинский отправились пароходом «Озерный» развеяться и поохотиться. Княгиня обещала к ним присоединиться несколько позже. Она отбыла на пароходе «Петербург», переночевала неподалеку от Ивановских островов и утром следующего дня отправилась на встречу с мужем.

На следующий год великий князь Владимир Александрович, возвращаясь с севера, опять завернул в Петрозаводск, хотя и ненадолго, всего на пять часов.

Столь частое посещение города членами царствующего дома так поразило городское начальство, что 3 июля 1885 года «заступающий место городского головы» И. Абрамов отправил на рассмотрение думы специальное послание:

«Посещение Высочайшими особами городов, как знак Высочайшей милости, – с пафосом писал он, – составляя знаменательное и радостное событие в жизни посещаемого города, налагает на городское общественное управление священную и приятную обязанность увековечивать среди граждан города такие события каким-либо видимым памятником». Отметив, что «двукратное последовательное посещение» великим князем города должно быть отмечено так, чтобы это помнилось даже потомками, И. Абрамов предложил переименовать улицу Английскую во Владимирскую.

Однако дума, собравшись на свое заседание 2 августа, решила иначе.

Она постановила назвать Владимирской набережную, а улицу Английскую переименовать в Мариинскую, в честь супруги князя – великой княгини Марии Павловны.

Такое решение может несколько удивить современных петрозаводчан, хотя на самом деле оно объяснимо. В XIX веке район набережной считался не только престижным, но и перспективным. Предполагалось, что именно по береговой линии будет развиваться в будущем город.

Затем дума, как было принято, обратилась к губернатору, чтобы он «испросил высочайшее согласие Их Императорских Высочеств». Такое ходатайство было послано. 7 сентября пришел ответ, подписанный начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. В нем говорилось, что князь Владимир Александрович и княгиня Мария Павловна «соизволили выразить согласие на испрашиваемые городскими общественными управлениями Петрозаводска, Повенца и Лодейного Поля ходатайства о присвоении некоторым улицам и набережным наименований в честь Их Императорских Высочеств». По этому поводу они выражали «общественным управлениям поименованных городов сердечную признательность за похвальные чувства, выраженные в составленных ими протоколах».

Так и получила улица имя княгини Марии Павловны, которая в отечественной истории известна лишь как супруга князя Владимира, брата Александра III.

Исторически Мариинка застраивалась с одной стороны. Слева, если встать лицом к круглой площади, на всю длину улицы тянулся овраг, который образовался после разлива Лососинки в 1800 году. Его крутой склон был сплошь изрыт ямами – здесь горожане испокон века брали песок для печных работ: кому сколько надо – тот такую яму и копал. Общая же картина, по свидетельству очевидцев, являла собой редкостное безобразие.

Первым, кому пришла в голову счастливая мысль облагородить центральную магистраль города, был заведующий госпиталя Олонецких горных заводов и неутомимый исследователь северной природы Александр Карлович Гинтер. Он решил в одиночку заложить бульвар вдоль Мариинской улицы.

Десятки молодых березок и рябин принес из леса Александр Карлович и посадил вдоль оврага. Плоды энтузиазма были вскоре погублены: нежно зазеленевшие деревца обглодали козы-разбойницы. Но память об аллее осталась.

15 июля 1905 года у вице-губернатора А.Ф. Шидловского собрались представители городских сословий, которые после долгого обсуждения утвердили закладку бульвара вдоль Мариинки. Сбор добровольных пожертвований на это дело решили провести по подписным листам. Губернатор Н.В. Протасьев идею озеленения Мариинской улицы одобрил и первым внес свой вклад – 15 рублей.

По мере пополнения кассы начались и практические работы. К середине сентября утрамбовали на всю длину улицы пешеходную дорожку, установили перила, отделяющие эту дорожку от Ямки. Городской голова Г.Е. Пименов связался с петербургским городским управлением и договорился, чтобы Петрозаводску уступили по незначительным ценам саженцы из питомника. Заботы петрозаводчан решили разделить жители уездного Пудожа, которые пароходом прислали в дар партию маленьких лиственниц.

А.Ф.Шидловский обратился к учебным заведениям с просьбой оказать городу посильную помощь.

«Праздник древонасаждения» был назначен 2 октября.

В этот день к 2 часам пополудни прибыл на Мариинку духовой оркестр. Под звуки маршей и вальсов собрались гимназисты, учащиеся учительской семинарии, воспитанники технического училища, питомцы приюта мальчиков. Привезли на телегах лопаты и плетеные корзины. Корзины – это для того, чтобы подсыпать в ямки чернозем. Вскоре закипела работа. И было это задолго до первых коммунистических субботников и воскресников.

В ноябре комиссия подвела итог четырехмесячной деятельности. За это время, как было отмечено, появилась вдоль улицы главная аллея, на склонах оврага сделаны пешеходные дорожки, а неподалеку от Соборной площади разбит цветник. Наметила комиссия и планы на будущее: выправить и укрепить косогоры, заказать 30 скамеек на чугунных ножках и продолжить сбор средств, так как денег в кассе осталось всего 40 рублей. Эта комиссия успешно действовала на протяжении нескольких лет, результатом ее работы стал бульвар, который существует по настоящее время.

На улице Мариинской находилось несколько памятных строений.

В начале улицы, по левую руку, в 1912 году по проекту инженера В.Н. Лядинского было построено здание городского театра, более известного под названием «Триумф». Сейчас на его месте стоит Национальный театр.

Рядом с «Триумфом» стояло небольшое здание гауптвахты, построенное по проекту губернского архитектора Василия Тухтарова. В нем одно время располагались публичная библиотека, кинотеатр «Сатурн», а в начале XX века первая в городе телефонная станция.

Напротив бывшей гауптвахты стояло большое здание гостиного двора. Архитектор Федор Крамер спроектировал его почти на квартал «по округлой линии». Начало этому грандиозному городскому строительству было положено в конце XVIII века, и продолжалось оно много лет.

Гостинный двор, который внешне напоминал петербургский, был главным торговым центром старого Петрозаводска. На рубеже XIX – XX веков здесь располагались лавки более чем семьдесят владельцев, имевших суммарный товарооборот более чем на 500 тысяч рублей в год. Из наиболее значимых фигур можно отметить П.Ф. Ипатова, С.К. Леонтьева, Н.П. Серого, братьев Михаила и Матвея Леймановых, издателя и книготор-

Гостинный двор

говца А.М. Мазилова, крупнейшего хлеботорговца В.Д. Лысанова.

В здешних магазинах каждый вечер собирались обыватели еще и для того, чтобы вдоволь почесать языками. Эти своеобразные клубы в городе называли «бакалейными».

Гостиный двор был разрушен во время Великой Отечественной войны. Похоже, что его взорвали наши солдаты, когда уходили из города осенью сорок первого – в этом сходятся все историки и краеведы. Об этом же свидетельствуют и финские источники, в которых зафиксировано, что отступающая Красная Армия нанесла Петрозаводску огромный ущерб, из значительных каменных строений в городе остались родильный дом, университет, здания на двух главных площадях и Дом правительства.

Почти на середине Мариинки некогда стоял небольшой белый домик, в котором располагались почта и телеграф.

20 января 1785 года Олонецкое наместничество получило распоряжение о необходимости уже «в ныне наступившем году» начать строительство губернского почтового дома. Этот документ был обнаружен сотрудницей Национального архива РК Идой Семеновной Петричевой. 20 января считается днем рождения петрозаводской почты, но отмечается праздник в конце января, потому что при переводе дат восемнадцатого века на современный стиль к исходному числу прибавляется не тринадцать, как думают некоторые, а одиннадцать дней.

На упоминаемом нами плане города 1887 года «почтовая и телеграфная контора» расположена на Мариинской улице, но здесь ли она была во времена Державина, утверждать не берусь, полагаю, что здесь, однако подтверждающих документов пока обнаружить не удалось.

От этого домика на Мариинке указывалось расстояние от Петрозаводска до столичных, губернских, областных и других главных городов Российской империи:

Архангельск – 1054 версты, Астрахань – 2526 1/4, Вильно – 1459 3/4, Витебск – 1033 1/2, Владимир – 1294 3/4, Вологда – 870, Воронеж – 1619 1/2, Вятка – 1640, Гродно – 1361, Дербент – 3742 1/4, Екатеринодар – 2500, Екатеринослав – 2001, Житомир – 1654 1/2, Иркутск – 6246, Казань – 1905 1/4, Калуга – 4296, Каменец-Подольск – 1932, Керчь – 2507 1/4, Кишинев – 2105 1/4, Киев – 1658 1/4, Ковно – 1149 1/4, Кострома – 999 3/4, Красноярск – 5245, Курск – 1612, Кутаис – 3212 3/4, Кяхта – 6678 3/4, Минск – 1304 1/2, Митава – 1051, Могилев – 1184, Москва – 1123 3/4, Нижний Новгород – 1543 3/4, Новгород – 630 1/4, Одесса – 2154 3/4, Орел – 1463, Пенза –

1839 3/4, Пермь – 2482 1/2, Петропавловский порт, или Авача – 13801 1/4, Полтава – 1850 1/2, Псков – 720, Ревель – 809 3/4, Рига – 1012 1/4, Рязань – 1302 3/4, Самара – 2156, Санкт-Петербург – 450 1/4, Саратов – 2038 1/2, Семипалатинск – 4478 1/4, Симбирск – 1905, Симферополь – 2453 1/2, Смоленск – 1145, Ставрополь – 2502 3/4, Таганрог – 1229, Тамбов – 1574 1/2, Тверь – 968 1/2, Тифлис – 3039 1/4, Тобольск – 3409 1/2, Томск – 1690 1/4, Уфа – 2431 1/2, Харьков – 1822 1/2, Херсон – 2202 1/2, Чернигов – 1506 3/4, Чита – 7265 1/4, Шемаха – 3448, Эривань – 3304 1/2, Якутск – 9065, Ярославль – 901 1/4.

Телеграф, деливший здание с почтой, появился в городе во второй половине XIX века.

Перпендикулярных улиц, которые встречаются с Мариинкой, всего три: Кирова – бывшая Садовая, Держинского, сменившая за свою историю несколько имен (Почтамтская, Екатерининская, Троцкого) и улица Андропова, которая первоначально была Палатным переулком, а потом называлась улицей Комсомольской.

На углу Карла Маркса и Андропова стоит здание, известное в городе как здание Кареллеспрома. Оно было построено в середине пятидесятых годов прошлого столетия, и первоначально в нем располагался Совнархоз. Еще это здание уникально тем, что именно на этом месте стоял дом первого олонцкого губернатора Г.Р. Державина, о чем и сообщает мемориальная доска. Об этом периоде жизни великого русского поэта достаточно полно рассказывается в книге Е.М. Эпштейна «Державин в Карелии», именно к ней я и отсылаю всех заинтересованных читателей.

Бросив прощальный взгляд на памятную доску, мы вступаем на Круглую площадь, или, как ее еще до сих пор называют, площадь Ленина.

В Петербурге есть улица, которая мне очень нравится. Она носит имя зодчего Росси и ведёт от Александринского театра к площади Ломоносова. Улица состоит из пяти строений, построенных по единому проекту с единым фасадом, так что создаётся впечатление, что на каждой стороне улицы всего по одному зданию. Еще улица удивляет своим точным следованием античным канонам – её ширина равна высоте зданий, её образующих (22 метра), а длина ровно в десять раз больше – 220 метров.

Красота нашей Круглой площади также в ее выверенной лаконичности: пространство организуют и превращают в градостроительный комплекс два полукруглых здания и два флигеля. Следует отметить, что вначале зданий было шесть, однако в 1789 году

их объединили в два полукружья, и в таком виде ансамбль дошел до наших дней.

Эта украсившая город Круглая, или Циркульная, площадь появилась в 1775 году по проекту архитектора Е.С. Назарова (ученика великого русского зодчего В.И. Баженова), по заказу и при активном участии строителя Александровского завода А.С. Ярцова. После этой совместной работы над архитектурным ансамблем советник горных дел Аникита Сергеевич Ярцов в 1782 году начертил план Петрозаводска, в котором явственно проступают черты сегодняшнего города, а Елизаветой Семенович Назаров выполнил первоначальный проект Странноприимного дома (ныне институт им. Склифосовского), построил у Никитских ворот трехэтажный дом князей Путятиных, спроектировал кладбищенский комплекс из пяти зданий и каменной ограды в районе Марьиной роши и некоторые другие исторические здания и постройки Москвы, вошедшие ныне в число исторических памятников.

Первоначально в зданиях на Круглой площади размещалось Олонецкое горное правление. Но после образования Олонецкого наместничества (1784 г.) заводские здания отошли в казну, одно из них стало резиденцией губернатора, другое определили под присутственные места.

В 1803 году в губернаторском доме случился сильный пожар. У города не было достаточных средств, чтобы ликвидировать его последствия, и здание три года стояло в руинах. Губернатор и вице-губернатор проживали на съемных квартирах, а в разрушенном корпусе после необходимого ремонта предполагалось устроить казенные склады, в которых тогда у города была сильная нужда.

Идею с устройством складов категорически отверг новый губернатор Виллим Мертенс, прибывший в Петрозаводск в 1804 году.

В прошении на высочайшее имя он написал, что превращение сгоревшего корпуса в склады крайне невыгодно уже потому, что здесь «встречается особенное неудобство по удалению их от пристани, поелику в Петрозаводске поставка соли, вина и хлеба производится водою... и перевозка всего от пристани будет обходиться ежегодно излишнею для казны издержкою в 750 рублей».

Да и сама мысль о проживании на съемной квартире Мертенсу тоже не нравилась. Поэтому в своем прошении он такое положение дел раскритиковал и доказал, что для казны выгоднее, чтобы губернатор и вице-губернатор имели постоянное место жительства, и поэтому лучше отремонтировать поврежденный пожаром корпус, чем покупать частные дома, которые все равно требуют ремонта.

Государственный подход Мертенса, как писали в прежние времена, «нашел горячее участие и поддержку» императора. В 1805 году под руководством и по проекту губернского архитектора Михаила Березина началось возрождение сгоревшего корпуса. Эта работа завершилась через два года, после чего губернаторы стали селиться в левой половине дома, а вице-губернаторы – в правой. К началу 60-х годов девятнадцатого столетия для вице-губернаторов стали-таки снимать квартиру в городе, а здание стало постепенно заполняться присутственными местами.

Кроме квартир высших должностных лиц в губернаторском доме размещались дворянский клуб, губернская типография, а впоследствии и основанный в 1871 году Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей.

Городские летописцы утверждают, что идея установки на площади памятника Петру Великому принадлежит губернатору Григорию Григорьевичу Григорьеву. Он же добился, чтобы для этой цели город получил из казны ассигнования в сумме 15 тысяч рублей. По за-

*Малая Подгорная улица
(сегодня носит имя космонавта Г. Титова)*

казу петрозаводского общества создание монумента было поручено скульптору Ивану Шредеру.

Закладка памятника состоялась 30 мая 1872 года.

Тогда же горожанам была показана модель статуи, выполненная в одну четвертую натуральной величины. Отливали бронзового Петра в Петербурге.

Торжественное открытие памятника состоялось 29 июня 1873 года. На церемонию собрались жители города и уездных деревень, прибыли на пароходе приглашенные музыканты лейб-гвардии Преображенского полка. Было большое народное гулянье у гостиного двора и в городском саду, праздничное представление в цирке братьев Вольф, бесплатное угощение от купцов для нижних чинов местного батальона.

Круглая площадь получила новое имя – Петровская. И сквер, который был разбит вокруг памятника, тоже стал Петровским.

После установления советской власти в этих исторических зданиях было сосредоточено все политическое руководство края. Здесь работали Олонецкий губернский революционный комитет, позднее – ревком Карельской Трудовой Коммуны, затем Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Карельской АССР, Карельский областной комитет партии.

7 ноября 1933 года, в день 16-й годовщины Октябрьской революции, на площади был открыт гранитный монумент вождю мирового пролетариата Ульянову-Ленину работы народного художника СССР академика М.Г. Манизера. 11-метровая скульптура сложена из 14 глыб серого гранита, вырубленного спецпереселенцами на острове Большой Голец. Этот памятник ни с какой стороны не вписывается в архитектуру позднего классицизма.

Именно Круглая площадь долгое время была центром политической жизни города. Эта традиция прослеживается даже после установления большевистской власти.

Вот как, например, проходил в Петрозаводске первый советский Первомай (1918 г.). Его лозунги были просты и понятны: *«Это праздник тех, кто честно трудится, кому дороги идеалы всемирного пролетариата», «Пусть каждый помнит, что день Первого мая – символ будущего светлого царства социализма», «Выходите стройными рядами с пением Интернационала», «Да здравствует Красное знамя свободного честного труда».*

После революционных потрясений уже постепенно стала налаживаться мирная жизнь. В конце апреля между вокзалом и городом открылось автобусное движение, организованное гражданином Маминовым. Горожане приветствовали это начинание, «способствующее уменьшению appetitов товари-

щей извозчиков». Но с продуктами было туго. «Хвосты, хвосты, за всем хвосты», – отмечал наблюдательный обыватель. До талонов еще не додумались, но принцип распределения уже существует: вино-водочные изделия выдаются по заборным книжкам (не от слова «забор», а от слова «забирать»).

Ранним утром 1 Мая участники праздничной манифестации собрались у Петровского сквера. Памятник Петру Великому еще стоит на своем историческом месте. Гремит «Марсельеза». Лес штыков. Десятки красных флагов, среди них один черный – это флаг федерации анархистов, которой выделены места даже в городском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Скромной группой стоят немецкие военнопленные, которых комитет большевиков пригласил принять участие в празднике. Устроители митинга подогнали к скверу грузовик. С этой автомобильной «трибуны» выступают ораторы.

От площади демонстранты в колоннах по сто человек и, выдерживая интервал между сотнями в десять шагов, отправляются в праздничное шествие. Маршрут следования прихотлив, он охватывает почти весь город (во избежание путаницы улицы называю по-современному): проспект Карла Маркса – Куйбышева – Красная – Герцена – далее через мост на Голиковку – проспект Ал. Невского – «Правды» – через Советский мост на площадь Кирова – и по Карла Маркса к памятнику Петру.

Вечером в театре «Триумф» под председательством Петра Анохина состоялся общегородской митинг, на котором выступили представители всех партий и движений.

Когда я выхожу на Круглую площадь, то появляется стойкое ощущение, что проспект Карла Маркса из нее как бы вытекает, а вот городская магистраль, носящая имя Ф. Энгельса, наоборот, втекает. «Вверх по течению» этой улицы мы сейчас и отправимся.

Некогда здесь начинался тракт на Санкт-Петербург, поэтому, когда появилась улица, ее, естественно, назвали Петербургской. С началом Первой мировой войны она стала Петроградской, тогда все немецкие «бурги» решительно заменили на русские «грады».

Через короткое время мы выходим на перекресток с проспектом Ленина. Сам перекресток сегодня безымянный, а после войны его на картах города обозначали как площадь, которая называлась «Советская». Название не прижилось, и о нем вскоре забыли. Позднее как Советскую площадь обозначили пятачок, где стоит памятник Куусинену. Но и это место горожане не воспринимают в качестве площади, потому название снова не приживается.

В старом Петрозаводске проспект Ленина не занимал того литерного положения, которое ему отводится сегодня. Это была обычная тихая улица, застроенная деревянными домишками. Ее первоначальное название Святнаволоцкая. В честь 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года Святнаволоцкую переименовали в Бородинскую, что никак не отразилось на ее внешнем облике. Место и роль этой улицы в жизни города достаточно красноречиво характеризует тот факт, что именно по ней этапировали арестантов и ссыльных из тюрьмы до общественной пристани и по ней же арестанты, которых доставили паромом, шли от пристани в тюрьму.

Пройдя сотню шагов по проспекту в сторону железнодорожного вокзала, мы выходим на перекресток Ленина-Герцена.

Улица по левую руку прежде называлась Закаменской, потому что находилась за каменными зданиями Круглой площади. И переулок, который вел на эту улицу от губернаторского дома, тоже был Закаменским.

Закаменским назывался и весь район города.

А вот улицы и переулки с противоположной стороны ансамбля Круглой площади Закаменскими быть никак не могли. Ведь петрозаводчане полагали, что город обращен лицом к озеру, к Онего-батюшке. Только так – и никак иначе!

В 1931 году, в день 50-летнего юбилея председателя Совета Народных Комиссаров республики Эдварда Гюллинга, улице Закаменской было присвоено его имя. Он, кстати сказать, и жил здесь же, в доме № 14. Вот такой подарок сделали советскому начальнику городские власти.

Эдвард Александрович, а правильнее – Эдвард Отто Вильгельм Гюллинг, – фигура для республи-

ки знаковая. Человек редких организаторских способностей, блестящий экономист (в свое время был доцентом Хельсинкского университета), он увлекся идеями марксизма и в 1905 году вступил в Социал-демократическую партию Финляндии, принадлежал к её левому крылу. В 1908–1918 годах был депутатом финляндского сейма, во время Финляндской революции 1918 года – членом революционного правительства и начальником Главного штаба Красной гвардии. После поражения революции эмигрировал в Швецию, в 1920-м переехал в Советскую Россию, где вступил в ряды РКП(б) и вскоре был направлен центром на пост председателя СНК Карельской Трудовой Коммуны.

В нашем крае до этого о Гюллинге слыхом не слыхивали, и когда поступило сообщение о его назначении, в местной газете написали, что в Петрозаводск едет какой-то Бюллинг (через «б»).

При Гюллинге Карелия достаточно быстро восстановила нарушенное гражданской войной хозяйство и стала наращивать свой экономический потенциал. Вот где пригодились и знания, и опыт Эдварда Александровича. Но в то же время это государственный деятель своего времени. Под его же руководством была блестяще организована и проведена кампания по «раскулачиванию» крестьянства.

В 1935 году Гюллинга отозвали в Москву, в 1937-м арестовали, обвинили в контрреволюционной террористической деятельности и 14 июня 1938 года расстреляли на Коммунарке. А улицу его имени переименовали в улицу Герцена. Так проходит земная слава.

Продолжение современной улицы Герцена, которое располагается по другую сторону проспекта, прежде имело собственное название – Тю-

Левашовский бульвар

ремный переулочек. Переулочек выводил на Тюремную площадь. А уже на краю пустыря-площади находилась сама тюрьма, которую романтично называли тюремным замком.

Заложили этот отнюдь не рыцарский замок в 1860 году, в 1862-м строительство завершили, и на окраине города, известной как Сенаторка, появилось здание, соответствующее своему утилитарному назначению. Документы утверждают, что по гигиеническим нормам оно было устроено для содержания 47 человек.

Здесь же, под одной крышей с арестантами, жил в служебной квартире и начальник тюрьмы. Впоследствии ему разрешили построить поблизости деревянный флигель, а в освободившемся помещении устроили тюремную больницу. До того как она появилась, заболевшие арестанты мужского пола лечились в местном военном лазарете, а женского – в земской больнице.

Одежду, белье, обувь, постельные принадлежности арестантам предоставляли за счет казны. На питание одного человека отпускалось 7 коп. в сутки. Даже при тогдашнем весьма устойчивом курсе российского рубля это были, прямо скажем, не очень большие деньги. Поэтому при тюрьме имелся огород. Собранный урожай поступал в общий котел.

Законом от 6 января 1886 г. для арестантов ввели обязательную трудовую повинность. Они сами пекли хлеб, готовили пищу, носили воду из неглинского колодца, пилили и кололи дрова, топили печи, убрали камеры и тюремный двор, помогали поддерживать чистоту в городе и даже принимали участие в его озеленении. Многие и поныне растущие деревья Левашовского бульвара посажены руками осужденных.

При тюремном замке действовала небольшая мастерская, в которой шились мундиры для тюремных надзирателей, вязались на вольную продажу рыбацкие сети, плелись из мочала коврики, делались половые щетки и хозяйственные сумки. Были там и умельцы по изготовлению новых и починке старых стульев на гнутых ножках, так называемых «венских». Но особенно славились в Петрозаводске тюремные бондари. Сработанные ими кадки, бочонки, кадушки, окрашенные по желанию заказчика в любой цвет, отличались прочностью и невысокой ценой.

Имелась в тюрьме и своя библиотечка, в которую горожане охотно отдавали старые подшивки журналов и книги духовного содержания.

Сегодня это здание в центре города до сих пор используется по своему прежнему назначению, хотя давно пора объявить его памятником исто-

рии и передать под какую-нибудь экспозицию краеведческому музею.

Как-то в переписке эсдеков мне встретился удивительный факт: они с большим уважением отзывались о начальнике тюрьмы П.И. Кацеблине, почитая его за человека не только добросовестного, но и глубоко порядочного.

Наш город только со стороны может показаться большим, на самом деле все мы здесь на виду, и поэтому через какое-то время мне удалось разыскать правнучку Кацеблина Галину Тихову.

Да, подтвердила она, именно таким остался прадед и в памяти своих детей и внуков.

Это был образованный и глубоко верующий человек, одно другому ведь не мешает, а чаще всего дополняет.

– Папа вспоминает, – рассказывала Галина, – как-то случилось ему заболеть, так Петр Ильич часами сидел около постели внука и проникновенно читал ему рассказы Тургенева.

По семейным преданиям, Кацеблин в 1910 году чуть было не оставил свою службу.

– По приговору суда в тюрьме был расстрелян какой-то революционер, – рассказывала Галина. – Казнь настолько потрясла прадедушку, что он решил подать в отставку. Родственники с большим трудом отговорили его от этого шага. Ведь если бы он бросил службу, то пришлось бы освободить и ведомственный домик и даже оставить имевшийся при нем огород. А «квартирный вопрос» и в те годы был в городе достаточно болезненным.

В изустных преданиях нередко встречаются неточности. Я полагаю, что произошло это не в 1910 году, а несколько раньше. Кроме того, революционеров не расстреливали, по крайней мере, в нашем городе. Единственная в тот период смертная казнь во дворе тюрьмы произошла двумя годами раньше, когда повесили девятнадцатилетнего Александра Кузьмина, совершившего покушение на сенатора Крашенинникова.

Это грустная история.

Дело Кузьмина разбиралось военно-окружным судом. Свидетелями обвинения выступали полицейские. 31 июля 1908 года суд вынес девятнадцатилетнему революционеру смертный приговор. Кузьмин выслушал обвинительный вердикт молча. Подать апелляцию на высочайшее имя о помиловании он отказался. Казенный защитник, поручик лейб-гвардии уланского полка Лодыженский, в знак уважения пожал своему подзащитному руку. Присутствовавшие в зале заседания плакали. Вечером в камере Кузьмин писал стихи.

Решение суда было отослано в Петербург, через месяц казенная бумага вернулась обратно с

утвердительной резолюцией. Олонецкий губернатор Протасьев, помощник начальника губернского жандармского управления подполковник Самойленко-Манджаро и прокурор окружного суда Жаба обменялись мнениями и пришли к выводу, что казнь удобнее всего произвести 29 августа между двенадцатью и тремя часами ночи.

В тот день заключенных с утра стали переводить в камеры, выходящие окнами на улицу. В тюрьме все поняли. Арестанты отказались от приема пищи. Политические запели траурный марш. Пока стражники умирляли одну камеру, из других волнами накапывало: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» В тюремном дворе спешно устанавливали виселицу. Опыта в этом деле у тюремщиков не было.

В полночь к осужденному на смерть пришел священник.

Александр от покаяния отказался, сам подошел к стражникам: «Я готов. Ведите». На дворе он спокойно выслушал приговор и сам встал на скамью под петлей. До последней секунды его не оставляла твердость духа, а начальнику тюрьмы Кузьмин на прощанье сказал:

– Не грусти, старик. Ведь исполняется моя мечта. Наконец-то я ухожу туда, ввысь, к звездам, – и пошутил: – Вот вернусь и обязательно расскажу, что там делается.

Палач выбил из-под ног осужденного скамейку, и... произошло непредвиденное – мелко вкопанные столбы под тяжестью тела покосились, Кузьмин встал на землю.

Выдохнул:

– Эх вы! Вешать и то не умеете.

Подскочили полицмейстер с подручными, крикнув от натуги, поправили столбы виселицы...

Когда я прочитал об этом в документе, стало страшно и больно.

История повторилась. Помните: «По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев, – сорвались, но вскоре были опять повешены и получили заслуженную смерть».

Эти строки из «всеподданнейшего доношения» генерал-губернатора Голенищева-Кутузова о казни декабристов. Рассказывали, что один из сорвавшихся с виселицы насмешливо крикнул ему: «Палач, дай мне твои аксельбанты!» – веревки, чтобы завершить казнь, нашлись не сразу, за ними пришлось посылать.

Спустя несколько дней после казни Кузьмина прокурор Жаба написал своему начальству: «... в частной беседе полицмейстер

Мальцев передал мне, что могилу Кузьмина украшают красными цветами и на ней ставится виселица, на это он распорядился о снятии всех «украшений»... Сообщая об изложенном, прошу вас, милостивый государь, принять уверения в глубоком моем уважении и совершенной преданности».

Пройдет год, и поступок Александра Кузьмина повторит молодой рабочий типографии Петр Анохин. Он совершит покушение на полицейского и после суда будет вначале заключен в Шлиссельбургскую крепость, а затем сослан на каторгу.

Ранее могила А. Кузьмина находилась на Неглинском кладбище, но позднее ее перенесли на Сулажгорское, где в советское время был устроен мемориал почетных захоронений. Имя казненного революционера сегодня носит одна из зарецких улиц.

А Кацеблин? Что Кацеблин? Он так и остался начальником тюрьмы, в этой должности встретил Октябрьскую революцию. Этот же пост он занимал и в последующие годы. Лишь в конце двадцатых, когда новая власть начала завинчивать гайки, кто-то из начальства проявил революционную бдительность: как же так, бывший царский сатрап – и до сих пор на службе! Кацеблина уволили. Примечательно, что не он, не его родственники, а кто-то из горожан возмутился столь явной несправедливостью и написал письмо председателю ЦИКа М.И. Калинину. Калинин по своей олонецкой ссылке помнил Кацеблина, более того, считал его совестливым человеком, он связался с карельским руководством и посоветовал восстановить Кацеблина на прежнем посту, что и было без промедления сделано.

**Начальник тюрьмы
П.И. Кацеблин**

А. Кузьмин

В тридцатые годы Петра Ильича арестовали, было бы удивительно, если бы этого не произошло. Однако скорые на расправу «органы» хорошо знали о высоком покровителе мнимого контрреволюционера, поэтому его не расстреляли, не отправили в лагерь, а выслали на полтора года в Лугу. Честно отбыв ссылку от звонка до звонка, Кацеблин все-таки пожаловался «всероссийскому старосте» на творимое беззаконие и попросил снять с него судимость, потому что из-за этого он не может устроиться на работу. И вновь Калинин не поленился ответить. Об этой судимости как бы забыли и при поступлении на работу не вспоминали. (Официально Кацеблина реабилитировали, как и многих невинно осужденных, в пятидесятые годы.) Впоследствии Петр Ильич трудился на скромных должностях и умер своей смертью в 1959 году.

За перекрестком Ленина-Герцена что ни здание, то история: кинотеатр «Победа», Карельская государственная педагогическая академия, 119-квартирный дом... Но это за рамками нашей главной темы, и поэтому пройдем дальше, до улицы Антикайнена, бывшей Гористой.

А где же гора?

Горы нет. Ее горожане срыли на субботниках и воскресниках, когда после войны восстанавливали Петрозаводск. Теперь улица пролегла прямая, как по лучу прожектора. По ней мы пройдем до улицы Максима Горького, которая в дореволюционное время называлась Полевой.

Именно здесь, в доме № 7, в 1940 году располагалась редакция журнала «На рубеже».

Сейчас этого дома не существует, № 7 носит ти-

повая пятиэтажка. Но рожденный здесь первый номер журнала остался. А в нем, в статье «От редакции», читаем: «Приступая к изданию ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «На рубеже», Союз советских писателей, Государственное издательство Карело-Финской ССР и редакционная коллегия главной своей задачей считают привлечение к участию в журнале возможно большего количества авторов: писателей, сказителей, журналистов, критиков, литературоведов, работников искусства, науки (особенно – историков и краеведов)».

В 2010 году журнал «На рубеже», сменивший свое название на «Север», отметил 70-летие. Но он до сих пор придерживается тех же принципов, которые продекларировал в первом номере, о чем свидетельствует и этот опубликованный на его страницах очерк.

Наше небольшое путешествие завершено. В нем я лишь вкратце затронул тему памятников, что может стать темой отдельного очерка, но постарался рассказать о многих, хотя и не обо всех, улицах старого города. Можно было выбрать и другой маршрут, тогда это был бы другой рассказ, но тоже о нем, о любезном нашему сердцу Петрозаводске.

Для иллюстрации очерка использованы фотографии и старые открытки из коллекции автора и фондов Карельского государственного краеведческого музея

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков и ряда книг по истории

Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

